

АБЫЛАЙ ХАН АТЫНДАҒЫ ҚАЗАҚ ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚАТЫНАСТАР
ЖӘНЕ ӘЛЕМ ТІЛДЕРІ УНИВЕРСИТЕТІ

2 (36) 2019
ISSN 2411-8753

Абылай хан атындағы ҚазХҚжәнеӘТУ

ХАБАРШЫСЫ

«ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚАТЫНАСТАР және
АЙМАҚТАНУ» сериясы

Алматы
«Полилингва» баспасы
2019

© «Абылай хан атындағы Қазақ халықаралық қатынастар және әлем тілдері университеті» Акционерлік қоғамының «Абылай хан атындағы ҚазХҚжӘТУ Хабаршысы-Известия» ғылыми журналының «Халықаралық қатынастар және аймақтану» сериясы таралымы, Қазақстан Республикасының Инвестициялар мен даму жөніндегі министрліктің Байланыс, ақпараттандыру және ақпарат комитетінде тіркелген. Тіркелу күәлігі 10.04.2015 жылғы № 15196-Ж

Бас редактор

Құнанбаева С.С., филология ғылымдарының докторы, профессор,
ҚР ҰҒА академигі, Алматы, Қазақстан

Жауапты редактор

Шаймарданова З.Д., тарих г.д., доцент, Абылай хан атындағы
ҚазХҚжӘТУ, Алматы, Қазақстан

Шығарылымға жауапты

Исалиева А.М., магистр, оқытушы, Абылай хан атындағы
ҚазХҚжӘТУ, Алматы, Қазақстан

Редакция алқасы мүшелері

Әбсаттаров Ғ.Р., саяси г.к., профессор, Абылай хан ат.
ҚазХҚжӘТУ, Алматы, Қазақстан

Байсұлтанова К.Ш., саяси г.к., профессор, Абылай хан ат.
ҚазХҚжӘТУ, Алматы, Қазақстан

Бүлекбаев С.Б., филос.г.д., профессор, Абылай хан ат.
ҚазХҚжӘТУ, Алматы, Қазақстан

Галиев А.А., т.г.д., профессор, Абылай хан ат. ҚазХҚжӘТУ,
Алматы, Қазақстан

Мукан С., PhD, Халықаралық бизнес университеті, Алматы,
Қазақстан

Шабаль П. (Chabal P.), PhD, Гавр Университеті, Франция / Le
Havre University, France, Гавр, Франция

Зиркер Д. (Zirker D.), PhD, Вайкато Университеті, Жаңа
Зеландия / Waikato University, Hamilton, New Zealand

Хорак С. (Horak S.), PhD, Карлов Ун-ті, Прага, Чех Республикасы,
Charles University, Prague, Czech Republic

МакКленнен С. (McClennen S.), PhD, Пенсильвания Университеті,
Филадельфия, АҚШ / University of Pennsylvania, Philadelphia, USA

© Научный журнал «Известия» КазУМОиМЯ имени Абылай хана, серия «Международные отношения и регионоведение» Акционерного общества «КазУМОиМЯ имени Абылай хана» зарегистрирован в Комитете связи, информатизации и информации Министерства по инвестициям и развитию Республики Казахстан. Регистрационное свидетельство № 15196-Ж от 10.04.2015 г.

Главный редактор

Кунанбаева С.С., ректор КазУМОиМЯ им. Абылай хана, доктор филологических наук, академик НАН РК, Алматы, Казахстан

Ответственный редактор

Шаймарданова З.Д., д.ист.н., доцент, КазУМОиМЯ имени Абылай хана, Алматы, Казахстан

Ответственные за выпуск

Исалиева А.М., магистр, преподаватель, КазУМОиМЯ им. Абылай хана, Алматы, Казахстан

Члены редакционной коллегии

Абсагтаров Г.Р., к.полит.н., профессор, КазУМОиМЯ им. Абылай хана, Алматы, Казахстан

Байсултанова К.Ш., к.полит.н., профессор, КазУМОиМЯ им. Абылай хана, Алматы, Казахстан

Булекбаев С.Б., д.филос.н., профессор, КазУМОиМЯ им. Абылай хана, Алматы, Казахстан

Галиев А.А., д.и.н., профессор, КазУМОиМЯ им. Абылай хана, Алматы, Казахстан

Мукан С., PhD, Университет международного бизнеса, Алматы, Казахстан

Шабаль П. (Chabal P.), PhD, Университет Гавра, Франция / Le Havre University, France, Гавр, Франция

Зиркер Д. (Zirker D.), PhD, Университет Вайкато, Новая Зеландия / Waikato University, Hamilton, New Zealand

Хорак С. (Horak S.), PhD, Карлов Ун-т, Прага, Чешская Республика, Charles University, Prague, Czech Republic

МакКленнен S. (McClennen S.), PhD, Пенсильванский Университет, Филадельфия, США / University of Pennsylvania, Philadelphia, USA

© Scientific journal «Bulletin» of Ablai khan KazUIR&WL. Series «International Relations and Regional Studies» of JSC “Ablai khan Kazakh University of International Relations and World Languages” is registered in Communication, Informatization and Information Committee of Ministry for Investment and Development, Republic of Kazakhstan. Certificate N 15196 – G, 10.04.2015.

Editor in chief

Kunanbayeva S.S., *Doctor of Philology, Professor, Academician of NAS of the RK, Almaty, Kazakhstan*

Executive Editor

Shaymardanova Z.D., *d. of hist. sc., associate professor, Ablai khan KazUIRandWL, Almaty, Kazakhstan*

Responsible for issue

Isakiyeva A.M., *master, teacher, Ablai khan KazUIRandWL, Almaty, Kazakhstan*

Editorial team members

Absattarov G.R., *cand.of polit.sc., professor, Ablai khan KazUIRandWL, Almaty, Kazakhstan*

Baysultanova K.Sh., *cand.of polit.sc., professor, Ablai khan KazUIRandWL, Almaty, Kazakhstan*

Bulekbaev S.B., *d. of philos.sc., professor, Ablai khan KazUIRandWL, Almaty, Kazakhstan*

Galiev A.A., *d. of hist.sc., professor, Ablai khan KazUIRandWL, Almaty, Kazakhstan*

Mukan S., *PhD, UIB, Almaty, Kazakhstan*

Chabal P., *PhD, Le Havre University, France*

Horak S., *PhD, Charles University, Prague, Czech Republic*

McClennen S., *PhD, University of Pennsylvania, Philadelphia, USA*

МАЗМҰНЫ / СОДЕРЖАНИЕ / CONTENT

I БӨЛІМ. ХАЛЫҚАРАЛЫҚ, САЯСИ ЖӘНЕ ЭКОНОМИКАЛЫҚ ӨМІР

РАЗДЕЛ I. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ PART I. INTERNATIONAL RELATIONS, POLITICAL AND ECONOMIC LIFE

Азербайев С.Г. Африка елдерімен Қазақстанның ғарыш бағдарламалары	7-16
Азербайев С.Г. Космическая программа африканских стран и Казахстан	7-16
Azerbaiyev S.G. Space programs of the African states and Kazakhstan.....	7-16
Исқалиев М.Д. Табыс пен тұрмыс сапасының өсуі - әлеуметтік -экономикалық дамудың басты басымдылығы	17-22
Исқалиев М.Д. Повышение доходов и качество жизни - главный приоритет в социально - экономическом развитии	17-22
Iskaliyev M.D. Improving income and quality of life is a main priority in social and economic development	17-22

II БӨЛІМ. АЙМАҚТАНУ БОЙЫНША ЗЕРТТЕУЛЕР РАЗДЕЛ II. ИССЛЕДОВАНИЯ ПО РЕГИОНОВЕДЕНИЮ PART II. REGIONAL STUDIES RESEARCH

Рахманова Г.Б. Сыртқы саясаттың экономикаға бағыттануы - мемлекеттің халықаралық қызметін бағалауы	23-32
Рахманова Г.Б. Курс на экономизацию внешней политики - приоритетный ориентир международной деятельности государства.....	23-32
Rakhmanova G.B. Course on the economization of foreign policy - a priority orientation of the state's international activity.....	23-32

III БӨЛІМ. ШЕТЕЛДІК ЗЕРТТЕУЛЕР РАЗДЕЛ III. ЗАРУБЕЖНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ PART III. FOREIGN STUDIES

Raghunath Mahabir, Stevenson Byng. Understanding the special problems and methods of intelligence work	33-58
Рагунат Махабир, Стивенсон Бинг. Ерекше мәселелер мен әдістерді түсіну барлау жұмыстары	33-58
Рагунат Махабир, Стивенсон Бинг. Понимание особенных проблем и методов разведывательной работы	33-58

IV БӨЛІМ. ЖАС ҒАЛЫМДАР ЗЕРТТЕУЛЕРІ
РАЗДЕЛ IV. ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ
PART IV. RESEARCH OF YOUNG SCIENTISTS

Сарсенов М.Б. Гуманизация халықаралық қатынастардың даму үрдісі ретінде	59-66
Сарсенов М.Б. Гуманизация как тенденция развития международных отношений	59-66
Sarsenov M.B. Humanization as the development trend of international relations	59-66

V БӨЛІМ. ЖАС ҒАЛЫМДАР ЗЕРТТЕУЛЕРІ
РАЗДЕЛ V. ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ
PART V. RESEARCH OF YOUNG SCIENTISTS

Бахтиярұлы Р. Этоконфессиялық байланыстар: халықаралық тәжірибе	67-75
Бахтиярұлы Р. Этоконфессиональные отношения: международный опыт	67-75
Bakhtiyaruly R. Ethoconfessional relations: international experience.....	67-75
Киреев А.В. Қазақстандық қоғамның санасына діни экстремизмнің тигізетін ықпалы	76-80
Киреев А.В. Влияние религиозного экстремизма на сознание современного казахстанского общества	76-80
Kireev A.V. The effect of religious extremism on the consciousness of contemporary kazakhstan society	76-80

I БӨЛІМ. ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ЖӘНЕ САЯСИ ӨМІР
РАЗДЕЛ I. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ
I PART. INTERNATIONAL RELATIONS AND POLITICAL LIFE

SPACE PROGRAMS OF AFRICAN COUNTRIES AND KAZAKHSTAN

Azerbayev S.G.¹

¹Candidate of Historical Sciences, Professor KazAUIR&WL,
Almaty, Kazakhstan

In the last decade, the developing countries of the world, including and African, are increasingly actively and consistently seeking to participate in international space activities.

This article examines and analyzes the interest of one of the largest country in Africa - Nigeria in space. Starting from 1976 till nowadays. The Republic of Kazakhstan is also involved in the provision of assistance to African countries' space programs.

Why it is necessary to develop space programs - this question is concern to many.

Keywords: African countries, Republic of Kazakhstan, space.

УДК 327 (680) : 629

МРНТИ 11.25.67 :89

КОСМИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА АФРИКАНСКИХ СТРАН И КАЗАХСТАН

Азербает С.Г.¹

¹к.и.н., профессор КазУМОиМЯ им. Абылай хана,
Алматы, Казахстан

В последнее десятилетие развивающиеся страны мира, в т.ч. и африканские, все более активно и последовательно стремятся к участию в международной космической деятельности.

В данной статье рассматривается и анализируется интерес к космосу, который проявляет крупнейшая страна Африки – Нигерия. Начиная с 1976 г. по ныне. В деле оказания помощи космическим программам африканских стран принимает участие и Республика Казахстан.

Для чего необходимо развивать космические программы – этот вопрос волнует многих.

Ключевые слова: Африканские страны, Республика Казахстан, космос.

Главные цели, ради которых космические державы не жалеют никаких финансовых средств это престиж и безопасность страны. Африканские государства поставили цель, чтобы не зависеть от ведущих стран в области освоения космоса, создать собственное космическое агентство. Такую задачу поставили министры стран Африканского союза на прошедшем в 2012 году в столице Судана совещании. «Африка просто обязана иметь собственное космическое агентство», - сказал, открывая двухдневный форум президент Судана Омар аль Башир [1].

Для координации космической деятельности на континенте государства-члены Африканского союза решили создать Африканское космическое агентство, и в качестве первого шага они приняли Африканскую космическую политику и стратегию во время их встречи в столице Эфиопии Аддис-Абебе в начале 2016 года.

В 2013 году страна приступила к осуществлению своей национальной программы космических исследований. Для этого в Эфиопии была построена самая крупная в Восточной Африке обсерватории, расположенная в горах Энтото на высоте 3200 м над уровнем моря. На ее строительство было потрачено 3,4 миллиона долларов, которые выделил эфиопско-саудовский миллиардер Мохаммед аль-Амуди [2].

Директор обсерватории Соломон Белая считает, что «установленные там два оптических телескопа с зеркалом диаметром в один метр каждый способны вести астрономические и астрофизические исследования» [2]. Это позволило эфиопским учёным вести наблюдение за различными планетами, звездами, Млечным путем, а также за отдаленными галактиками. В ближайшей перспективе в планах ЭОКИ стоит задача открыть вторую обсерваторию на высоте 4200 м над уровнем моря в городе Лалибела.

Но прошло время и в августе 2005 года тогдашний президент Нигерии Олусегун Обасанджо заявил: «Через 15-25 лет мы доставим Нигерию в космос. Мы доберёмся туда. Космос не так недосыгаем, как кажется. И мы должны сделать это» [3]. Такое заявление им было сделано после того как именно благодаря его усилиям в мае 1999 года в стране было создано Национальное агентство по космическим исследованиям (NASRDA) под эгидой Министерства науки и технологии.

Вскоре после этого, в 2003 году, с помощью англичан и африканских ученых был запущен первый нигерийский спутник NigeriaSat-1. Старт был осуществлен на ракете «Космос-3М» с космодрома Плесецк (Россия). Для более эффективной деятельности в области космических исследований африканские ученые тесно сотрудничают с российскими и украинскими специалистами. С их помощью Нигерия запустила в августе 2011 года на украинском носителе «Днепр» с полигона «Ясный» в Оренбургской области (Россия) два спутника, которые были сконструированы нигерийцами при участии российских ученых – NigeriaSat-X и NigeriaSat-2.

Свой интерес к космической отрасли стала проявлять и Ангола. В этом деле ей активно помогает Россия, с помощью которой был построен

первый ангольский спутник связи, осуществленный корпорацией «Энергия». Спутник был изготовлен Публичным акционерным обществом «Ракетно-космическая корпорация «Энергия» имени С.П. Королева» по заказу министерства связи и информационных технологий Республики Ангола. Спутник под названием Ангосат-1 массой в 1685 кг и гарантией активного существования в космосе сроком в 15 лет запустили 27 декабря 2017 с космодрома Байконур (Казахстан). Космический аппарат являлся геостационарным спутником связи и предназначался для обеспечения телерадиовещания на территорию Республики Ангола и всего африканского континента.

К сожалению, он вскоре после запуска перестал передавать сигналы, и связь с ним была потеряна. Однако, согласно действующему контракту, Россия обязуется построить для Анголы новый более мощный спутник Ангосат-2. Его задачей станет покрытие значительной территории Анголы, Африки и части Европы. Запуск этого спутника запланирован на 2020 год [4].

Помимо упомянутых стран в космос стремятся и другие африканские государства. Среди них можно назвать Гану, Марокко, Алжир, Египет, ЮАР, которые активно разрабатывают свои космические программы. Так, только в 2017 году первые три страны запустили свои спутники в космос: Гана аппарат GhanaSat-1, Марокко – спутник наблюдения Мухаммед-6А, Алжир – свой первый спутник Alcomsat-1.

Первый космический спутник Ганы GhanaSat-1 создала группа инженеров из Университета всех наций, находящегося в городе Кофоридуа. На его разработку ушло около двух лет, и было потрачено 50 тысяч долларов. При этом финансирование осуществлялось Японским агентством аэрокосмических исследований JAXA [5].

Марокканский спутник наблюдения Земли Мухаммед был разработан консорциумом, созданным ThalesAleniaSpace и Airbus Defense and Space. Спутник был запущен 7 ноября 2017 года на околоземную орбиту на ракете Arianespace Vega из Французской Гвианы.

Алжирский спутник связи Alcomsat-1 был запущен Китайской компанией GreatWallIndustryCorp., с использованием ракеты-носителя LongMarch-3В.

Космические исследования в новом тысячелетии становятся всё популярнее в африканских странах. Надо признаться, что разработка и осуществление космических программ – это дорогостоящее дело, и не каждой стране по-плечу этим заниматься. Следует отметить, что

в настоящее время расходы африканских государств на космические исследования весьма скромные. Этому свидетельствует следующее сравнение. В 2014 году расходы на гражданскую космическую программу в странах Африки, вместе взятые составили около 185 млн. долл. США. В то время, когда Соединенные Штаты Америки потратили 42,4 млрд. долл. США. А общие глобальные расходы на космические исследования на планете составили около 330 миллиардов долларов. В этом объеме крупнейшие расходы в эту отрасль из африканских стран понесли Нигерия (66 млн. долл. США), Алжир (45 млн. долл. США), Южная Африка (31 млн. долл. США) и Ангола (26 млн. долл. США) [6].

В 2016 году АС принял космическую политику и стратегию, в которой излагалась важность осуществления этой деятельности, которая будет способствовать превращению африканской космической экономики в реальность. «Африка должна быстро наращивать свои возможности в области наблюдения Земли, навигации, спутников и коммуникаций», - сказала в 2017 году комиссар АС по людским ресурсам, науке и технике Сара Аньян Агбор [6].

И бытует мнение, что лучше тратить миллионы средств для оказания конкретной помощи обездоленным и голодным людям, чем выбрасывать огромные средства на непонятные запуски спутников в космос. По этому поводу в ряде африканских стран были разные мнения. Порой раздавались и негативные отголоски, и попытки помешать этому делу. Однако подлинные энтузиасты освоения космоса твердо отстаивали свою точку зрения о необходимости развивать космическую программу.

Существует ряд причин, по которым космические амбиции Эфиопии пока не могут стать реальностью. Здесь не в последнюю очередь кроется проблема политической нестабильности и быстро замедляющийся рост экономики. Эфиопские, суданские и кенийские официальные лица осознают политические риски, связанные с запуском космической программы в то время, когда страшный голод в течение десятилетий охватывает Северо-Восточную Африку. Но в то же время они признают, что спутники играют важную роль не только в оказании гуманитарной помощи, но и в улучшении процессов и методов управления ресурсами и землепользованием, которые могут помочь снизить риски голода. Если Аддис-Абебе удастся создать практическую космическую программу, которая поможет улучшить перспективы национальной безопасности и экономического развития

Эфиопии, то это будет первая страна на Африканском Роге и в Северо-Восточной Африке, в целом, способной встать в ряд стран, активно занимающихся космическими исследованиями.

Недопонимание в деле развития космической программы имело место и в Египте. Так, в начале 2014 года, когда в Египте было официально сообщено, что правительство в ближайшие месяцы запланировало создать национальное космическое агентство, то эта новость населением страны была встречена с подавляющим цинизмом и даже возмущением. Многие высказывались в том плане, что люди должны беспокоиться о разрешении тех проблем, которые имеют место на Земле, прежде чем беспокоиться о Космосе. И их можно было понять. В стране, где 40% населения, живет за чертой бедности, экономика претерпевает большие трудности, имеется серьезная проблема безопасности страны, запуск дорогостоящих аппаратов в космос не кажется идеальным решением для любой из указанных проблем. К тому же в стране существует одна из самых актуальных проблем - нехватка воды.

Что касается освоения космоса, то африканскому населению необходимо понять, что в современном мире космическая связь — это наиболее эффективное дело в области развития экономики и политики. Спутники наблюдения Земли могут собирать данные по тем областям, которые важны для развития различных отраслей экономики страны, таких как сельское хозяйство, изучение и поиска полезных ископаемых, прогнозирования стихийных бедствий и наблюдениями за ними, и даже проведение выборов.

Например, Нигерия использовала свои спутники для мониторинга богатой нефтью дельты Нигера. Его спутники также использовались при наблюдении за выборами, предоставляя важную информацию об избирателях, которые в различных случаях могли бы быть упущены организаторами проведения выборов. Спутники помогли открыть подземный водоносный горизонт в самом сухом регионе Кении. Спутники также оказались полезными в борьбе с экстремистскими группировками, такими как Бoko Харам. В 2014 году Нигерия использовала спутники SatX и Sat 2 для контроля за передвижениями группы и для поиска 273 девочек, которых похитила эта организация [7].

Таким образом, постепенно африканское население приходит к пониманию перспектив освоения космоса. Сегодня созвездия спутников постоянно плавают над Африкой, обеспечивая сигналы

спутниковой телефонной и телевизионной связи. За определенную плату можно использовать фотографии для оценки засух и других стихийных бедствий. В частности, Габон стремится управлять своими обширными лесами с помощью спутниковой приемной станции, а не строить дорогостоящий спутник. Африка постепенно вступает в космическую гонку в то время, когда стоимость спутниковых технологий быстро падает.

В Египте свыше 20 лет действует национальная космическая программа (“Египет и космос”), нацеленная на достижение независимости в мирных космических исследованиях. До последнего времени значительную помощь в разработке и производстве спутников, в том числе навигационных и телевизионных, Египту оказывали Россия, Украина, Китай, США, страны Европы.

Финансирование космической программы Египта является частью более крупного пакета помощи Китая арабской стране, который насчитывает 7 млрд. долл. США. Эти средства предназначены и используются для развития экономики Египта, улучшения проходимости судов через Суэцкий канал, а также для модернизации существующей инфраструктуры.

За последние несколько лет Китай и Египет занимались налаживанием тесных связей друг с другом в рамках инициативы Пекина «Один пояс, один путь», чтобы обеспечить доступ Китая к Средиземному морю через Суэцкий канал. С точки зрения Каира, Китай является спасательным кругом в свете экономических проблем Египта после политических потрясений, произошедших в стране с 2011 года.

Алжирское космическое агентство (ASAL) и британская фирма WisscomAerospaceLtd подписали соглашение о партнерстве, направленное на развитие национальных возможностей и укрепление двустороннего сотрудничества области космической техники. В рамках этой программы WisscomAerospaceLtd вместе с испанской компанией Zero 2 Infinity, специализирующейся на аэрокосмической технике, будет «совместно развивать космические системы в рамках Национальной космической программы, запущенной в 2006 году». Следует отметить, что WisscomAerospaceLtd, расположенная в Великобритании, управляется одним из известных алжирских исследователей Абду Аттоу.

Согласно заявлению генерального директора Алжирского космического агентства Азседин Оусседика, сделанному в декабре

2017 года, Алжир в настоящее время изучает возможности и планирует отправить в космос несколько современных спутников в рамках своей космической программы 2020-2040 годов.

В 2018 году Алжир располагал шестью спутниками на орбите, поставив себя на одном уровне с Нигерией и Южной Африкой, в которой на орбите расположены шесть спутников.

Вопрос участия африканских стран в деле освоения космоса периодически поднимался на уровне Африканского союза. Выступая на Научной сессии в декабре 2017 года в Претории (ЮАР) по вопросам космических исследований в Африке старший сотрудник по вопросам политики Комиссии Африканского союза Хамбани Машелени сказал: «Нам нужно иметь возможность запускать наши собственные космические программы. Нам необходимо, чтобы Африканское космическое агентство осуществляло свою политику. Роль [Африканского союза] заканчивается разработкой политики. У нас же должен быть четкий план реализации программы» [6].

Несмотря на то, что Южная Африка пока не имеет собственной специализированной космической программы для запуска ракет на орбиту, но у нее есть частные компании, которые участвуют в космической отрасли.

Одним из этих подразделений является Консультационная компания по космосу (SAC), и космической технике, расположенная в Сомерсет-Уэст. В SAC трудятся более 50 человек, которые разрабатывают аппаратуру для использования в космическом пространстве, включая подсистемы космических аппаратов и комплектные космические аппараты.

В 2008 году в ЮАР было основано Южноафриканское национальное космическое агентство (South African National Space Agency-SANSA). С созданием SANSA в ЮАР стала проводиться определенная работа, чтобы страна стала региональным центром космических технологий, и активно осуществлять инвестирование в создание новых спутников и дальнейшую разработку научных космических проектов. Об этом в августе 2009 года в интервью агентству Reuters заявила Министр науки и технологий ЮАР Наледи Пандор. «Когда страна активно инвестирует в космическую отрасль, то это положительно сказывается на развитии экономики в целом» — сказала министр [8].

Она это заявление сделала не случайно. Через месяц, в сентябре 2009 года, Наледи Пандор находилась на космодроме Байконур, и наблюдала за стартом южноафриканского спутника *ZA-002 Sumbandilasat*

(Сумбандила). Космический аппарат массой 81 килограмм был успешно выведен на целевую орбиту 16 сентября 2009 года. Спутник предназначался для дистанционного зондирования земли (ДЗЗ), мониторинга поверхности южных районов Африки. «Сумбандила» - низкоорбитальный микроспутник ДЗЗ. Он был разработан компанией SunSpace по заказу министерства науки и технологий ЮАР. Этот спутник стал первым космическим аппаратом второго поколения малых спутников компании SunSpace, предназначенных для высокоточного наблюдения, научных исследований и низкоорбитальной связи.

В деле оказания помощи космическим программам африканских стран принимает участие Республика Казахстан. Уже стали устанавливаться прямые связи казахстанских ученых с африканскими коллегами в этой области. Так, с 28 мая по 4 июня 2016 года делегация Аэрокосмического комитета МИР побывала с рабочим визитом в г. Хартум (Республика Судан) с целью дальнейшего сотрудничества АО «НК «Казақстан Ғарыш Сапары» (АО «НК «ҚҒС») с компанией «SUNACS» в части предоставления данных с космической системы дистанционного зондирования Земли Республики Казахстан. Члены делегации встречались с представителями Суданского аэрокосмического комитета (компания «SUNACS», «MIRAGE»), министром телекоммуникации и информационных технологий, представителями Суданской военной академии.

В ходе встреч были обсуждены вопросы сотрудничества в сфере применения космической технологии в области сельского хозяйства. Казахстанцы ознакомились с возможностями космической технологической компании «MIRAGE». Они посетили наземную станцию компании «SUNACS», а также обсудили вопросы изучения наземного сегмента; подготовки кадров по повышению квалификации специалистов компании «SUNACS»; совместного сотрудничества в разработке различных методов мониторинга земной поверхности для использования в сельском хозяйстве; создания нано-спутников по казахстанскому опыту, и подписания казахстанско-суданского межправительственного соглашения по сотрудничеству. По итогам визита был подписан двусторонний протокол о взаимодействии АО «НК «ҚҒС» и «SUNACS» для дальнейшей совместной работы в области космических технологий [9]. Казахстан готов предоставить космодром Байконур для запуска космических аппаратов, что уже делал неоднократно для африканских стран: Египта, Анголы, ЮАР. Опыт Байконура насчитывает более чем 60-летнюю историю с момента запуска первого в мире искусственного спутника Земли 4 октября 1957

года. В общей сложности с космодрома за это время было запущено около 2500 ракет, свыше 3000 космических аппаратов, стартовало на орбиту более 130 космонавтов, в том числе и граждан зарубежных стран.

Один из них был гражданин ЮАР Марк Шаттлворт, осуществивший полет в космос в апреле 2002 года на борту корабля «Союз ТМ-34». За одиннадцать дней полета 28-летний южноафриканец заплатил астрономическую сумму в 20 миллионов долларов. Но он не был обычным пассажиром, а по заданию южноафриканских исследовательских центров Марк Шаттлворт провел в условиях невесомости ряд медико-биологических экспериментов, результаты которых, в частности, могут быть использованы для создания вакцины против СПИДа.

За годы работы космодрома его посещали различные высокие иностранные делегации. Так, на Байконуре первым побывал президент Франции генерал Шарль де Голль [10].

17 сентября 2017 года главы, аккредитованного в Казахстане дипломатического корпуса, участники саммита Организации исламского сотрудничества по науке и технологиям, а также главы представительств Европейского союза, ОБСЕ, УВКБН ООН и ВОЗ посетили Байконур. Визит иностранных гостей был организован в рамках мер государства по привлечению иностранных инвестиций, укрепления туристического потенциала и положительного имиджа регионов Казахстана.

Гости посетили музей космодрома, орбитальный корабль «Буран», мемориальные домики С.П. Королева и Ю.А. Гагарина, и стали очевидцами запуска транспортного пилотируемого космического корабля «СОЮЗ-МС-07».

Сегодня к космодрому Байконур обращают внимание многие государства, как месту по выведению космических аппаратов на орбиту. Несмотря на то, что Байконур разменял шестой десяток лет, он по-прежнему остается самой стартовой площадкой для полета в космос, являясь крупнейшим объектом международного сотрудничества в области космонавтики.

Из сказанного видно, что, вступив в ХХI век, ряд стран Африки встали на путь развития космической деятельности, направленной на поддержку национальных приоритетов, особенно в том, что касается вопросов сокращения масштабов нищеты, экономических возможностей, расширения технологических возможностей и улучшения качества жизни. С помощью ведущих зарубежных

стран они начинают активно участвовать в освоении космоса. Это придаст африканским государствам новый импульс для политико-экономического развития на благо своих народов.

ЛИТЕРАТУРА

1 Африка потеснит космические державы [Электр. ресурс]. - Режим доступа: <https://www.zarubejom.ru/news/show/10185.html> - (дата обращения 14.3. 2019 г.).

2 Ещё одна страна Африки устремилась в космос [Электр. ресурс]. - Режим доступа: <https://scientificrussia.ru/articles/ethiopia-space-program> (дата обращения 14.3. 2019 г.).

3 Нигерия хочет оказаться в космосе [Электр. ресурс].- Режим доступа: <http://www.membrana.ru/particle/894> (дата обращения 14.3. 2019 г.).

4 Ангола может в космос. Африканская космическая гонка [Электр. ресурс].- Режим доступа: (дата обращения 14.3. 2019 г.). <https://zen.yandex.ru/media/kosmos/angola-mojet-v-kosmos-afrikanskaia-kosmicheskaia-gonka-5b22678bc0ec1000a9de0b93>

5 Африка пополнилась космической державой [Электр. ресурс]. - Режим доступа: https://newsae.ru/novosti/07-08-2017/afrika_popolnilas_kosmicheskoy_derzhavoy/ (дата обращения 16.4. 2019 г.).

6 Sarah Wild Making the case for African investment in space programmes [Электр. ресурс]. - Режим доступа: <https://africanspress.org/2018/02/27/making-the-case-for-african-investment-in-space-programmes/> - (дата обращения 27.4. 2019 г.).

7 Scott Firsing Monash University Africa and space: the continent starts to look skyward [Электр. ресурс]. - Режим доступа: https://www.huffingtonpost.com/the-conversation-africa/africa-and-space-the-cont_b_12230148.html (дата обращения 14.2. 2019 г.).

8 Erik Gregersen South African Space Agency [Электр. ресурс]. - Режим доступа: <https://www.britannica.com/topic/South-African-National-Space-Agency> (дата обращения 15.5. 2019 г.).

9 Метеоспутник “Метеор-М” успешно выведен на целевую орбиту [Электр. ресурс]. - Режим доступа: <http://army.lv/ru/meteor-m/438/20749> (дата обращения 24.4. 2019 г.).

10 Первый африканский космонавт [Электр. ресурс]. - Режим доступа: <https://www.dw.com/ru/%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B2%D1%8B%D0%> (дата обращения 18.3. 2019 г.).

АФРИКА ЕЛДЕРІ МЕН ҚАЗАҚСТАННЫҢ ҒАРЫШ БАҒДАРЛАМАСЫ

Азербайев С.Г.¹

¹т.ғ.к., Абылай хан атындағы ҚазХҚжӘТУ профессоры,
Алматы, Қазақстан

Соңғы онжылдықта әлемнің дамушы елдері, соның ішінде африка, халықаралық ғарыштық қызметке белсене және дәйекті түрде қатысуға ұмтылады.

Бұл мақалада Африкадағы ең үлкен ел - Нигерияның көрсететін ғарышқа қызығушылық талданады. 1976 жылдан бастап қазіргі уақытқа дейін. Қазақстан Республикасы африкалық елдердің ғарыштық бағдарламаларына көмек көрсетуде.

Неліктен ғарыштық бағдарламаларды жасау керек - бұл мәселе көптеген сауалдар туғызады.

Тірек сөздер: Африка елдері, Қазақстан Республикасы, ғарыш.

Статья поступила 3.6.2019

RISING INCOMES AND QUALITY OF LIFE ARE THE MAIN PRIORITY IN THE SOCIO - ECONOMIC DEVELOPMENT

Iskalyiev M.D.¹

¹ doctor of Economics, Professor, Economics Department, KazUIRandWL named after
Ablai Khan, Almaty, Kazakhstan

This article discusses the problems in the light of the implementation of the Address of the First President of Kazakhstan Nursultan Nazarbayev to the people of Kazakhstan 05 October 2018 program “Business road map 2020” and decisive measures to improve the quality of life.

Keywords: business, quality of life, competition, tariffs, profit, innovation, Finance

ӘОЖ 323/324 (574)
ҒТАМІІ 06.56

ТАБЫС ПЕН ТҰРМЫС САПАСЫНЫҢ ӨСУІ - ӘЛЕУМЕТТІК -ЭКОНОМИКАЛЫҚ ДАМУДЫҢ БАСТЫ БАСЫМДЫЛЫҒЫ

Исқалиев М.Д.¹

¹э.ғ.д., экономика кафедрасының профессоры,
Абылай хан атындағы ҚазХҚ және ӘТУ,
Алматы, Қазақстан

Мақалада Қазақстан Президенті Нұрсұлтан Әбішұлы Назарбаевтың 05 қазан 2018 жылғы Қазақстан халқына Жолдауынан туындайтын “Бизнестің жол картасы-2020” бағдарламасын және әлеуметтік- экономикалық дамудың батыл шараларын жүзеге асыру проблемалары қарастырылады.

Тірек сөздер: бизнес, тұрмыс сапасы, бәсеке, тарифтер, табыс, инновация, қаржы.

Қазақстан Президенті Н.Ә.Назарбаевтың “Қазақстандықтардың әл-ауқатының өсуі: табыс пен тұрмыс сапасын арттыру” атты Қазақстан халқына Жолдауында қоғамда қызу талқыланып жүрген ең өзекті әлеуметтік-экономикалық мәселелер қамтылған. Елбасы осы мәселелерді шешудің нақты шараларын ұсынып отыр [1].

Қазіргі Жолдаудың басты стратегиясы Қазақстандықтардың әл-ауқатының өсуін басты басылымдылыққа айналдыру, сөйтіп олардың табысы мен тұрмыс сапасын арттыру.

Осындай кешенді әлеуметтік-экономикалық мәселелерді шешудің негізі “Бизнестің жол картасы-2020”, экономикадағы бәсекелестікті дамыту, тұрғын-үй коммуналды шаруашылық, экспортқа бағытталған индустриаландыру, агро-өнеркәсіп кешенінің әлеуетін толық іске асыру, инновациялық және сервистік секторды дамыту, нақтылы экономиканы өркендетуші қаржы секторының рөлін күшейтіп, ұзақ мерзімді макроэкономикалық тұрақтылықты қамтамасыз ету туралы шараларын жүзеге асыру міндеттері белгіленді. Әл-ауқаттың екінші бір сипаты-өмір сүру деңгейін арттыру, білім беру, денсаулық сақтау, жайлы және қауіпсіз жағдайда өмір сүру мәселелері.

Бүгінде Ұлы дала кеңістігінде тәуелсіз Қазақстан әлем танитын керегесі кең, өзгелермен терезесі тең дәрежеге жетті. Бізде берік экономикалық негіз қалыптасты. Соңғы 20 жыл ішінде 300 млрд АҚШ доллары көлемінде тікелей инвестиция тартылды. Дүниежүзілік банктің (ДБ) бизнес жүргізу жеңілдігі рейтингісінде 190 елдің ішінде 36-орынға көтерілді. Осыған байланысты бағдарламалық бастамалар табысты дамудың негізгі факторына айналды.

Мемлекет басшысы биылғы халыққа Жолдауында еліміздегі әлеуметтік-экономикалық мәселелерге айрықша көңіл бөліп отырғаны қазақстандықтарға қанат бітіргендей, ерекше жігерлендірді деп толық сеніммен айтуға болады. Ұйткені халықтың табыс, тұрмыс, жұмыспен қамту, қолжетімді баспанамен қамтамасыз ету мәселелері мемлекеттің әлеуметтік-экономикалық саясатының ең өзекті проблемалары. Шын мәнінде бұл салада шешуін күтіп отырған, қордаланған бірқатар мәселелер бар. Мәселен, Қазақстан жер көлемі бойынша әлемде 9-шы орын алады, шикізат қорына бай елміз, тек астықты 5 млн тг (потенциал 10 млн тн) көлемінде 70 елге шетке шығаруға қол жеткіздік. Алайда, ішкі рынокты ауылшаруашылығы өнімдерімен бар жоғы 60 пайыз ғана қамтамасыз етіп отыр, ал 40 пайыз тапшылықты қалайша өтеуге болады? Бұл дегеніңіз халықты азық-түлік өнімдерімен, ал өнеркәсіпті ішкізатпен қамтамасыз ету проблемасын алға тартады. Ұйткені халықтың тамақ, жеміс-жидек, бау-бақша өнімдерімен тұтыну дәрежесі тікелей осы саламен байланысты. Осыдан салада еңбек өнімділігін және қайта өңделген ауылшаруашылығы өнімінің экспортын 2022 жылға қарай 2,5 есе ұлғайту көзделіп отыр.

Бұл өз кезегінде жалпы халықтың, әсіресе селолық елді мекендердегі тұрғындардың тұрмыс, тұтыну, табыс дәрежесін көтеруге ықпал етері сөзсіз. Осы жылдарда “Нұрлы жол”, “Рухани жаңғыру” кешенді бағдарламалары, “100 нақты қадам” Ұлт жоспары Қазақстанның экономикалық өсімінің жаңа моделін құруға бағытталған. Бұл жаңа міндеттер. Осы орайда соңғы кездері әлемдік саяси және экономикалық трансформация үрдістері күшейе түсуде.

Президенттің “Бес әлеуметтік бастамасының” негізінде Республикада тек 2018 жылдың наурыз-қыркүйек аралығында жоспарланған 35 іс-шараның 31 орындалды. Қазақстанның стратегиялық мақсаты 2050 жылға қарай әлемдегі озық 30 елдің қатарына қосылу.

Ілгеріде атап өткеніміздей, биылғы Жолдаудың басты ерекшелігі - әлеуметтік бағдарланғандығында. Халықтың тұрмыс дәрежесінің

басты көрсеткіштерінің бірі-табыс дәрежесі. Мәселенің маңыздылығын ескере отырып, ең төменгі жалақыны 1,5 есе яғни 28 мыңнан 42 мың теңгеге дейін өсіру көзделіп отыр. Бұл болса барлық халық шаруашылығы саласы бойынша 1300 мың адамның еңбек ақысына тікелей қатысты. Ал, бюджеттік мекемелерде жұмыс істейтін 275 мың қызметкердің еңбек ақысы көбейіп, орташа 36 пайызға өседі. Жалпы алғанда еңбекке қабілетті белсенді қызмететушілердің 16 пайызын қамтиды деген сөз.

Осындай мақсаттарға 2019-2021 жылдарда республикалық бюджеттен жыл сайын 96 млрд теңге бөліну көзделіп отыр. Сөйтіп, еңбекақы өсімнің катализаторына айналуға. Бағдарламаның маңыздылығын ескере отырып, “Бизнес жол картасы-2020” қолдану мерзімін 2025 жылға дейін ұзарту көзделуде. Тек осы бағдарламаны жүзеге асыру үшін жыл сайын қосымша кемінде 30 млрд.теңге бөлу қарастырылуда. Осыларды жүзеге асыру есебінен кемінде 22 мың жаңа жұмыс орнын ашуға, 224 млрд теңге көлемінде салық түсіруге 3 трлн теңгенің өнімін өндіру мүмкіндігін беретін болады (бұл ҚР мемлекеттік бюджетінің 43 пайызы).

Өткен жылдан “Рухани жаңғыруға” бет бұрыс жасап, мәдениет пен рухани өмірде өшкенімізді тірілтіп, бай мұрамызды, ұлттық салт-дәстүрімізді қайта жандандыруда зор істер атқарылуда. Енді әлеуметтің әлеуетін арттырып, тұрмыс сапасын көтеріп, жақсы да жайлы өмір сүруге жағдай жасауға кезек келді. Міне осындай саяси-экономикалық мәнділігі зор дәстүрлі Жолдауды “Қазақстандықтардың әл-ауқатының өсуі: табыс пен тұрмыс сапасын арттыру” деп атауының мәніде осында.

Жолдауда экономика мен әлеуметтік салада замануи технологиялық жаңғырту, жаңа индустрияны құрумен қатар, дәстүрлі базалық салаларды дамытуға серпін беру, жаңа еуразиялық логистикалық инфрақұрылымды дамыту кезек күттірмейтін шаралар ретінде аталды. Сонымен қатар әлеуметтік теңсіздікті азайтуға халықтың әл-ауқатын көтеруде айқын да ауқымды міндеттер белгіленді.

Соңғы жылдары Республикамызда “Нұрлы жол” бағдарламасы бойынша маңызды деген инфрақұрылым қалыптасты. 2015 жылдан бастап 2400 шақырым автомобиль жолы салынды және 2020 жылға дейін қосымша 4600 шақырым жол пайдалануға берілетін болады.

Ал жолдың әлеуеті зор. Елмен елді, жермен жерді, қала мен селоны жалғастыратында жол. Кез келген жұмыстың (жұмысқа бару, мектепке қатынау, емханаға уақытында жету, жүк және адам тасымалы т.с.с) уақытылы сапалы атқарылуы жол мен транспортқа тікелей

байланысты. Мәселенің күрделілігі мен мәнділігін ескере отырып, мемлекет осы мақсатқа (жергілікті маңызы бар жолдарға) 150 млрд теңгеге дейін, ауылдық жерлерді сумен қамтуға 100 млрд теңгеге дейін қаражат бөліп отыр.

Сонымен қатар, “инфрақұрылым адамдарға” моделінен “адамдар инфрақұрылымына” бірте-бірте көшу жоспарлануда.

Осыған орай, тірек саналатын ауылдардан бастап республикалық маңызы бар қалаларға дейінгі түрлі елді мекендер үшін өңірлік стандарттар жүйесін әзірлеу жұмысы да жобалануда [2].

Жол және көлік инфрақұрылымын кешенді дамыту халықтың тұрмыс дәрежін көтеріп халықаралық еңбек бөлінісінде, сауда-саттық қатынасы мен туризм саласын дамытуға зор ықпалын тигізеді. Бұл өз кезегінде Қазақстанның ішкі өнім көлемін, оның шешуші құрамды бөлігі ұлттық табыстың қарқынды өсуін қамтамасыз ететін болады.

Бұл Жолдау Елбасының елдегі ішкі жағдайды жетік білетіндігін көрсетті. Мысалы еліміздің жоғары оқу орындарының сапалы білім бере алмайтындығын ашық айтты. Егер жағдай солай болса, ондай оқу орындарын жабу, әйтпесе біріктіру керек деген сөзі бәрімізді де ойландырады. Яғни білім беру саласында әртүрлі әлемдік жетістіктерге, Назарбаев университетінің тәжірибесіне сүйене отырып, нарықта жоғары сапалы білім беруді қамтамасыз ететін шараларға ат салысуымыз керек. Әсіресе ұлттық білім беру саласында Президент атап өткендей, бірыңғай стандарт жүйесін енгізу, білім беру сапасын реформалау, біздің университет ұжымына зор жауапкершілік артады.

XXI-ғасырдағы адамзаттың басты, негізгі құндылықтары білімнен басталатындығын өмір растап отыр. Біз Жолдаудың негізгі бағыттарын басшылыққа ала отырып, осы бағыттағы әлемдік білім ошақтарының тәжірибесімен ұштастыра отырып, Президенттің “Рухани Жаңғыру” еңбегінде атап өткендей Білімнің салтанат құруына ат салысуымыз керек.

Сонымен осы бағдарламалық құжаттың негізгі бағыттары қарапайым қазақстандықтардың тұрмыс дәрежесі мен өмір салтын жақсартуға бағытталған.

Елбасы осындай ауқымды әлеуметтік - экономикалық проблемаларды шешу үшін 1,5 трлн теңге қаражатбөлуді үкіметке тапсырды. Бұл үлкен ресурс, егер ҚР мемлекеттік бюджетінің көлемі 7 трлн теңге болса, бұл сома бюджеттің 22,1% құрайды деген сөз. Мәселе, енді осындай ауқымды қаражатты уақытылы, мақсатты игеруде болғаны. Олай деп отырғанымыз Есеп комитетінің деректеріне

сүйенер болсақ, жыл сайын 800 млрд теңге көлемінде қаржы игерілмей қалады екен. Осындай көлемді қаражатты Жолдаудың мақсатынан туындайтын үш сменалық мектептерді жоюға, балалар бақшасы мен ауруханалар, қолжетімді баспана салуға жұмсауға болар еді ғой. Тіпті біздің университет перспективасы тұрғысынан қарағанда 1 миллиондық кітап қорына арналған кітапхана, немесе 400 орындық жатақхана салуға жұмсауға болар еді. Елбасының Жолдауда көрсеткендей “азаматтар сұранысына бейімделген мемлекеттік аппарат”, оның атқарушы органдары экономика және қаржы министірлігі тарапынан қаржы мәселесіне қатаң бақылау, реттеу жұмыстары қажет - ақ. Нарықтың ең бір осал жері әлеуметтік мәселелерді (халықтың табысын арттыру, жұмыссыздықтың, инфляция дәрежесін төмендету т.с.с) шешуде әлсіз. Ол үшін күшті мемлекет керек. Күшті мемлекет нарықтың антиподы емес, астампаздық та емес, объективті қажеттілік.

Елбасының қарапайым сөзі барлық қазақстандықтардың әлеуметтік - тұрмыс, еңбек ету, білім алуға тікелей қатысты. Біздің міндетіміз Жолдаудың әрбір бағыт - бағдарын оқу процесін жүргізу, тәлім-тәрбиеберуде студент жастардың санасына ұялату. Осы кезден бастап біздің жастар қандай бағытта дамып, ол үшін өздері таңдаған мамандықтар бойынша терең білім алуға мемлекеттік тілді қастерлеп, шет тілдерін жетік игеру, руханиятымызды дәріптеуге жұмылдыру. Ол үшін әрбір мамандықтар, курстар бойынша Жолдаудың өзекті проблемаларын оқу курстары мен тәрбие сағаттарында түсіндіріп, оларды адами, патриоттық, еңбек сүйгіштікке тәрбиелей отырып, олардың жауапкершілігін арттыруға шақыру. Тек осындай жағдайда болашақ жастар рухы биік, ұлтжанды жеке тұлға ретінде қалыптасып, қоғамда өз орындарын табатын болады.

Университеттің оқытушыларымен студенттер, барлық қызметкерлер қауымы Президенттің Қазақстан халқына кезекті Жолдауын бірауыздан қолдайды және өздерінің азаматтық ұстанымын көрсетіп, Жолдауды жүзеге асыруда белсенділік танытады деп сеніммен айтуға болады.

ӘДЕБИЕТ

1 Қазақстан Президенті Нұрсұлтан Назарбаевтің Қазақстан халқына Жолдауы 05 қазан 2018 // Егемен Қазақстан.- 2018.- 06 қазан.

Ә Бекежанқызы Н. Саясат жүргізе алатын елдердің экономикасы бәсекеге төтеп бере алады // Алматы ақшамы.- 2019. – 19.04.

**ПОВЫШЕНИЕ ДОХОДОВ И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ - ГЛАВНЫЙ ПРИОРИТЕТ
В СОЦИАЛЬНО - ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ**

Искалиев М.Д.¹

¹ д.э.н., профессор кафедры экономики
КазУМОиМЯ имени Абылай хана,
Алматы, Казахстан

В данной статье рассматриваются проблемы в свете реализации Послании Первого Президента РК Нурсултана Назарбаева народу Казахстана 05 октября 2018 программу «Дорожная карта бизнеса - 2020» и решительные меры по повышению качества жизни населения.

Ключевые слова: бизнес, качество жизни, конкуренция, тарифы, прибыль, инновация, финансы.

Статья поступила 4.5.2019

**II БӨЛІМ. АЙМАҚТАНУ БОЙЫНША ЗЕРТТЕУЛЕР
РАЗДЕЛ II. ИССЛЕДОВАНИЯ ПО РЕГИОНОВЕДЕНИЮ
PART II. REGIONAL STUDIES RESEARCH**

**COURSE ON THE ECONOMIZATION OF FOREIGN POLICY - A PRIORITY
ORIENTATION OF THE STATE'S INTERNATIONAL ACTIVITY**

Rakhmanova G.B.¹

¹Candidate of Historical Sciences, Associated Professor KazAUIRandWL,
Almaty, Kazakhstan
omine08@mail.ru

The article is devoted to the foreign policy of Kazakhstan, which today has chosen for itself a guideline for the implementation of the socio-economic modernization of the country. State policy is aimed at the task of concentrating the economic interests of the state in the form of clear political goals, which is the first step that needs to be done today.

Keywords: politics, “economic diplomacy”, forecasts, economization, development, intellectual capital, investments.

УДК 339.5

МРНТИ 11.25

**КУРС НА ЭКОНОМИЗАЦИЮ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ - ПРИОРИТЕТНЫЙ
ОРИЕНТИР МЕЖДУНАРОДНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВА**

Рахманова Г.Б.¹

К.и.н., доцент кафедры международных отношений и регионоведения
КазУМО и МЯ им. Абылай хана
Алматы, Казахстан, omine08@mail.ru

Статья посвящена внешней политике Казахстана, которая сегодня выбрала для себя ориентир к осуществлению социально-экономической модернизации страны. Политика государства направлена на задачу сконцентрировать экономические интересы государства в виде четких политических целей, что является тем первым шагом, который необходимо сделать сегодня.

Ключевые слова: политика, «экономическая дипломатия», прогнозы, экономизация, развитие, интеллектуальный капитал, инвестиции.

Под экономизацией внешней политики мы будем понимать установление в качестве приоритетных таких целей и задач в сфере внешней политики, которые будут способствовать улучшению участия Казахстана в мировом разделении труда. Это возможно путем расширения рынков сбыта продукции отечественных производителей, привлечения с мирового финансового рынка в экономическое обращение страны необходимых денежных средств (кредитов и инвестиций), рациональной интеграции экономики Казахстана в

региональные экономические объединения и учета и приспособления к потребностям внутреннего рынка глобализационных процессов. Такая задача внесена в принятую государственную внешнеполитическую доктрину на 2014-2020 гг.

Еще в самом начале становления суверенного Казахстана Первый Президент Нурсултан Назарбаев выдвинул главный принцип: внешняя политика Республики Казахстан есть продолжение ее внутренней политики, инструмент внешнеполитического обеспечения общественно-политической стабильности, национальной безопасности, создания благоприятных внешних условий для дальнейшего экономического, социального, интеллектуального и культурного развития и реформирования страны. Следуя этому принципу, молодое государство добилось значительных результатов. Казахстан вплотную приблизился к качественному уровню социально-экономического развития государств Центральной и Восточной Европы. Есть осязаемое продвижение вперед в диверсификации экономики, ее инновационно-технологическом обновлении.

Сегодня Казахстан приступает к осуществлению политики социально-экономической модернизации, предложенной Елбасы. Цель модернизации — подготовка общества к жизни в условиях новой индустриально-инновационной экономики, поддержание баланса между форсированным экономическим развитием Казахстана и широким обеспечением граждан общественными благами, утверждение социальных отношений, основанных на принципах права и справедливости. Модернизация нации, развитие и наращивание ее конкурентного потенциала - неотвратимое веление времени. В современном глобальном мире наиболее конкурентными нациями будут те, кто осваивает новейшие технологии, внедряет инновации, вкладывает в развитие человека. В этой связи инициативы Казахстана в области образования и науки свидетельствуют о том, что высшее руководство страны, признавая науку и образование важнейшими ресурсами обновления экономики, стремится способствовать развитию научно-интеллектуального и образовательного секторов общества. Инвестиции в интеллектуальный капитал в передовых странах являются наиболее эффективным способом размещения ресурсов, и этот опыт стал полезным и для Казахстана. Очевидно, что сложившаяся экономическая ситуация в мире требует, в первую очередь, усовершенствования методов и расширения инструментария

«экономической дипломатии». Практическая деятельность политиков и дипломатов сегодня активно продвигает экономические инициативы Лидера нации как на двустороннем уровне, так и в рамках повестки многосторонних структур (ЕАЭС, ШОС, СВМДА, ОЭСР, ОИС, др.). Все усилия направлены на решение внутренних вопросов - форсированную инновационно-технологическую модернизацию экономики, повышение ее конкурентоспособности, переход Казахстана на «зеленый» путь развития и вхождение в число 30 самых развитых стран мира.

Экономизация внешней политики реализуется через экономизацию внешних отношений, под которой, мы будем понимать использование средств политического, дипломатического, экономического, военного, культурного и другого влияния на субъектов международных отношений с целью достижения целей внешней политики, определенных в результате ее экономизации. На сегодняшний день, мы наблюдаем, как главное внешнеполитическое ведомство - страны МИД РК - своим ключевым направлением определило привлечение зарубежных инвестиций и технологий, в рамках реализации индустриально-инновационных проектов, программы «Нурлы жол» и Стратегии «Казахстан-2050», а также продвижение казахстанского экспорт на зарубежные рынки. Ведомство видит свою основную задачу в обеспечении внешнеполитических условий, способствующих эффективной реализации политики модернизации Казахстана и нации, изучении и использовании соответствующего международного опыта. Основным фокус работы главного внешнеполитического ведомства страны направлен на эффективное продвижение экономической повестки Плана наций «100 конкретных шагов по реализации пяти институциональных реформ».

Основным инструментом в реализации экономической деятельности за рубежом являются дипломатические и консульские представительства Республики Казахстан, которые нацелены на привлечение инвестиций в приоритетные сектора экономики, высоких технологий, продвижение интересов казахстанского бизнеса и доступа наших товаров на внешние рынки.

- с 2012 года внедрена практика назначения в загранучреждения РК специальных советников по инвестициям из числа сотрудников отраслевых министерств (Франция, Германия, Великобритания, Китай, Южная Корея, Япония, Беларусь, Украина, Узбекистан);

- с 2006 года функционирует институт таможенного атташата - 18 сотрудников Комитета государственных доходов МФ РК представлены в странах-партнерах Казахстана - Россия, Бельгия, Беларусь, Кыргызстан, Азербайджан, Турция, Китай, Южная Корея;

- в структуре Постоянного Представительства РК при Отделении ООН и других международных организациях в г. Женеве был создан Отдел по вопросам ВТО;

- функционирует Торговое представительство РК в России;

- учреждены фронт-офисы АО «Казнекс Инвест» в Нью-Йорке, Дубаи, Франкфурт-на-Майне, Стамбуле, Пекине, на подходе Тегеран;

- успешно функционирует институт почетных консулов Казахстана в 70 иностранных государствах;

- активно используются «клубы друзей» нашей страны за рубежом.

С июля 2015 года в стране введен безвизовый режим для граждан 20 стран мира: Австралия, Венгрия, Италия, Монако, Бельгия, Испания, Нидерланды, Норвегия, Швеция, Малайзия, ОАЭ, Сингапур, Великобритания, США, Германия, Финляндия, Франция, Швейцария, Япония. С 1 января 2017 года введен безвизовый режим для всех стран-членов ОЭСР и ЕС, а также Малайзии, Монако, ОАЭ и Сингапура, что связано с проводимой министерством иностранных дел работой по созданию Международного финансового центра Астана [1].

Внешнеполитическая деятельность Казахстана направлена на повышение эффективности двусторонних 115 межправительственных комиссий и 24 деловых советов с зарубежными государствами. Так, в настоящее время создана Рабочая группа по координации деятельности МПК и ДС под председательством Первого заместителя Министра иностранных дел. Проведен всесторонний анализ и выработаны конкретные рекомендации для фокусирования на наиболее приоритетных направлениях внешнеэкономической деятельности. Осуществляется постоянный мониторинг хода реализации договоренностей, закрепленных в протоколах межправкомиссий.

Активную работу ведут Деловые советы, которые сосредоточили свою работу по решению двух главных задач:

- развитие прямых связей между бизнес-сообществами двух стран с целью выхода на конкретные проектные договоренности;

- выявление вопросов системного и регулятивного характера, требующих вмешательства госорганов с обеих сторон. Главным рабочим органом/Секретариатом всех Деловых советов является НПП

«Атамекен», в том числе в лице Внешнеторговой палаты.

Визиты Елбасы в ключевые страны мира – в Италию, КНР, Великобританию, Иран, Турцию, Корейскую Республику, РФ, США и др. страны принесли Казахстану приток прямых иностранных инвестиций (ПИИ).

Большая роль в экономической дипломатии Казахстана отводится многостороннему экономическому сотрудничеству с безусловным продвижением национальных интересов.

В рамках ЕАЭС. На сегодняшний день более тридцати стран изъявили желание расширять сотрудничество с ЕАЭС. Подписано более 25 меморандумов о сотрудничестве и взаимодействии ЕАЭС с разными странами, в том числе с Монголией, Чили, Перу, Сингапуром и Камбоджей. Вступило в силу соглашение о создании зоны свободной торговли с Вьетнамом. Начаты переговоры с Индией. Ведется подготовка соглашения о зоне свободной торговли с Израилем, Египтом и Ираном.

Ведется работа по внедрению лучшей мировой практики по социально-экономической трансформации страны в соответствии со стандартами ОЭСР. Успешно завершается реализация Страновой программы сотрудничества с ОЭСР, в рамках которой Республика Казахстан смогла присоединиться к ряду инструментов Организации.

Эффективным механизмом наращивания сельскохозяйственного экспорта Казахстана может стать Исламская организация по продовольственной безопасности со штаб-квартирой в Астане. На этой площадке Казахстан намерены активизировать сотрудничество с экономическими «драйверами» Исламского мира, в первую очередь по экспорту казахстанского зерна и другой сельскохозяйственной продукции, найти надежных партнеров для реализации совместных инвестиционных проектов и др.

Экономический подход внешнеэкономической тактики обязательно должен включать и отношения с международными финансово-экономическими организациями и интеграционными объединениями, а также позицию Казахстана в вопросах, рассматриваемых их органами управления. Именно поэтому Казахстан продолжает активное сотрудничество с Группой Всемирного банка, Международным валютным фондом, ЕБРР, АБР и Азиатским банком инфраструктурных инвестиций.

Транзитно-транспортная и инфраструктурная взаимосвязанность (connectivity). Казахстан является самым крупным государством, не имеющим выхода к морю. Вместе с тем, геоэкономические реалии подтверждают особую актуальность развития сухопутных транзитных маршрутов по направлениям «Север-Юг», «Восток-Запад», как наиболее рентабельных торговых путей. На нашей территории пересекаются основные маршруты из Европы в Азию, что подтверждается усилиями ведущих держав по стыковке своих мега проектов в Центральной Евразии: «Экономический Пояс Шелкового Пути»; Евразийский Экономический Союз», «Новый Шелковый путь»; Европейский Союз» и др.).

Активно продвигается работа над сопряжением Государственной программы «Нұрлы жол» с указанными проектами. Маршруты «Западный Китай - Западная Европа», ж/д «Казахстан-Туркменистан-Иран-Персидский залив», др., которые уже стали органической частью современных маршрутов Шелкового пути.

Казахстан продолжает поиск взаимоприемлемых путей и форматов сотрудничества центрально-азиатских государств. Сегодня открылись новые горизонты взаимодействия с Узбекистаном в торгово-экономической и других сферах. Переговоры К. Токаева с Ш. Мирзиевым внушают оптимизм в вопросе дальнейшего углубления экономического сотрудничества. В частности, достигнута договоренность об открытии совместных предприятий (торговых домов) по поставкам: нефти и нефтепродуктов, автомобильной, машиностроительной, электротехнической продукции и т.д.;

- фармацевтической, нефтехимической и химической продукции;
- продукции легкой промышленности;
- продовольственных товаров.

Динамичное развитие показывает всесторонние союзнические отношения с Российской Федерацией, в том числе в рамках ЕАЭС. Так, решения крупнейшего бизнес-форума с участием ведущих предпринимателей двух стран и XIII форум межрегионального сотрудничества РК-РФ «Развитие транспортно-логистического потенциала Евразийского пространства», предоставляют большие перспективы в данной сфере. Китай начал инвестировать многомиллиардные средства в казахстанскую экономику в рамках переноса производственных мощностей и продвижения ЭПШП. Известно, что реализация ЭПШП позволит сократить расстояние

транспортировки грузов по сравнению с маршрутом через Суэцкий канал. Длина трассы составляет 8400 километров, из которых 3400 километров уже проложено по территории Китая, а 2800 километров и 2200 километров строятся или модернизируются в Казахстане и России соответственно [2, с. 48]. В настоящее время инвестиции КНР в Казахстане составляют размер - 600 млн. долл. в развитие индустриальной и логистической зоны «СЭЗ «Хоргос - Восточные ворота», а также перспективы развития порта г.Ляньюньган [3]. Эта очевидная необходимость реализации достигнутых на уровне глав государств соглашений по увеличению объема двусторонних инвестиций и увеличения грузопотока контейнерных поездов, курсирующих по маршруту «Ляньюньган - Алматы» и транзитом через Казахстан в другие страны Центральной Азии и Европы. Для Казахстана порт Ляньюньган является одним из стратегических узлов за рубежом, ключевой частью государственной программы «Казахстан - Новый Шелковый путь» и Новой экономической политики «Нұрлы жол».

Вековые опыт и традиции народов региона, общая история – и – современные возможности технологических инноваций по развитию транспортно-логистических коммуникаций вкупе с наличием солидных финансовых ресурсов – способны сильно «раскрутить» взаимовыгодную торговлю и транзитные потенциалы стран региона и повысить уровень благосостояния населения. Реализация всех этих инициатив важна для евразийских народов, так как большая региональная интеграция, сотрудничество и взаимозависимость должны снизить негативный потенциал глобальной конкуренции, которая ставит под угрозу мир и безопасность на всем евразийском пространстве.

Сотрудничество с США остается одним из главных приоритетов, что способствует поддержанию баланса интересов в регионе. Рост казахстанских возможностей по выходу на сопредельные рынки при наличии у нас благоприятных условий для ведения бизнеса привлекает крупнейших предпринимателей США к инвестированию в экономику Казахстана. Это было подтверждено на встрече Лидера нации с так называемыми «капитанами американского бизнеса» в г. Нью-Йорке. С поддержкой США ведется работа по обеспечению устойчивого развития и укреплению позиций Центральной Азии на международной арене. В данном контексте активно укрепляется

многосторонняя платформа «C5+1» (Центральная Азия + США). В рамках платформы, созданной на уровне глав внешнеполитических ведомств, реализуются проекты с долгосрочными целями по развитию транспортного потенциала региона как единой логистической системы между Европой и Азией; укреплению альтернативной энергетики в регионе с серьезным фокусом на защиту окружающей среды; а также росту партнерства в сфере безопасности Центральной Азии.

Обновленное Соглашение с Европейским союзом о расширенном партнерстве и сотрудничестве с усиленной торгово-экономической и научно-технологической составляющей открыли новые возможности для активного взаимопроникновения бизнеса и инвестиций. В 2017 году принят Совместный план действий по реализации Соглашения. Там же была проведена очередная встреча в формате «ЕС-ЦА», в ходе которой были обсуждены основные направления регионального сотрудничества [4].

Следует также учитывать, что стабильность региона Центральной Азии по-прежнему зависит от ситуации в Афганистане, власти которого продемонстрировали неспособность своими силами решать как военно-политические, так и социально-экономические проблемы страны. В 2015 г. Брюсселе состоялось Донорская конференция по Афганистану, организованная Европейским союзом и правительством Афганистана. На конференции участвовали 70 государств и 30 международных организаций. Участники встречи подтвердили свое намерение предоставить афганскому правительству в целях развития 15,2 млрд. долларов на период 2017-2020 гг. [4, с. 48]. Это гуманитарная, продовольственная, инфраструктурная и образовательная помощь по двусторонним и многосторонним каналам.

Начало международного «разблокирования» Ирана сулит новые возможности для нашего региона. Иран является крупным региональным игроком и представляет собой ёмкий рынок для сбыта казахстанской продукции, но ключевое значение эта страна играет как новый транспортный коридор и альтернативный выход Казахстана к морю. Визит Первого Президента Казахстана в Тегеран в начале 2016 года создал новый импульс и возможности для значительного роста казахстанско-иранского торгово-экономического взаимодействия. В декабре того же года состоялся ответный визит Главы ИРИ в Астану. Договорились о сотрудничестве двух стран в области туризма планируется реализация совместных проектов и программ, в том числе

по развитию водного туризма на Каспийском море. Во время визита стороны подписали целый ряд документов в сфере экономического, инвестиционного, таможенного, судоходного, культурного и туристического сотрудничества.

Казахстана продолжает изыскивать новые возможности для торгово-инвестиционного взаимодействия как со своими крупными традиционными партнерами - Турция, Япония, Корея, Индия, КСА, ОАЭ, Малайзия, Сингапур и др. - так и с новыми партнерами в Латинской Америке и Африке.

Таким образом, внешняя политика Казахстана направлена на обеспечение потребности государства и общества и в сфере обороны, и в культурных связях, и в гуманитарных вопросах и в вопросах экономики. И довольно часто военное сотрудничество выгоднее не с теми государствами, с которыми могут быть более тесные культурные связи или более перспективные экономические отношения. Но без настоящей приоритетности учета экономических потребностей при принятии политических внешнеэкономических решений сложно надеяться на серьезное деловое сотрудничество в современных условиях, условиях глобализации экономики, которые, среди прочего, предполагают или инициативное вкладывание значительных средств, или координацию действий и партнерство с более конкурентоспособной стороной.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Официальная статистическая информация: 1 полугодие 2016 г. [Электр. ресурс].- Режим доступа: <http://stat.gov.kz/> -(дата обращения 03.05. 2019 г.).
- 2 15,2 млрд. долларов помощи Афганистана собрали на донорской конференции в Брюсселе [Электр. ресурс].- Режим доступа: <http://www.inform.kz/> - (дата обращения 29.04.2019 г.).
- 3 Ордабаев А. Геополитика транспортных коридоров в Центральной Азии: Институт мировой экономики и политики (ИМЭП) при Фонде Первого Президента Республики Казахстан – Лидера Нации. – Астана – Алматы, 2015. – С.48.
- 4 Искалиев М.Д.Тәуелсіздік дәуірі және элеуметтік-экономикалық прогресс // Известия КазУМОиМЯ им. Абылай хана. Серия «Международные отношения и регионоведение». – 2019. - № 1. – С. 29-36.
- 5 Национальное информационное агентство [Электр. ресурс]. - Режим доступа: kazinform.kz – (дата обращения 07.6.2019).

**СЫРТҚЫ САЯСАТТЫҢ ЭКОНОМИКАҒА
БАҒЫТТАНУЫ - МЕМЛЕКЕТТІҢ
ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚЫЗМЕТІН БАҒАЛАУЫ**

Рахманова Г.Б.¹

¹т.ғ.к., Абылай хан атындағы халықаралық қатынастар және әлем тілдері
университетінің доценті, Алматы, Қазақстан
omine08@mail.ru

Мақалада еліміздің әлеуметтік-экономикалық жаңғыртуын жүзеге асырудың өзекті бағытын таңдаған Қазақстанның сыртқы саясатына арналған. Мемлекеттік саясат мемлекеттің экономикалық мүдделерін айқын саяси мақсаттарға топтастыруға бағытталған, бұл бүгінгі таңда жасалуы керек алғашқы қадам.

Тірек сөздер: саясат, «экономикалық дипломатия», болжамдар, экономизация, даму, зияткерлік капитал, инвестициялар.

Статья поступила 18.4..2019

III БӨЛІМ. ШЕТЕЛДІК ЗЕРТТЕУЛЕР
РАЗДЕЛ III. ЗАРУБЕЖНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
PART III. FOREIGN STUDIES

UDC 327.84
IRTSII 11.25

**UNDERSTANDING THE SPECIAL PROBLEMS AND METHODS
OF INTELLIGENCE WORK**

Raghunath Mahabir¹,
Stevenson Byng²

¹Dr., Lecturer/Coordinator of National Security Programme
University of the Southern Caribbea
Port of Spain, Trinidad

² Chief Security Officer at University of the Southern Caribbean
Port of Spain, Trinidad

The extensive allocation of national resources to all types of intelligence work and the increasingly important role played by the intelligence community in shaping national security and foreign policies point to the need for furthering our understanding of the special problems and methods of intelligence work. The primary missions of the intelligence community (IC) are to reduce uncertainty and provide warning about potential threats to the national security of the nation-state, the safety of its citizens, and its interests around the world. In many large states today, the national intelligence strategy objectives include countering violent extremism, countering weapons of mass destruction proliferation, providing strategic intelligence and warning, integrating counter-intelligence, enhancing cyber-security and supporting current operations. Many states allocate a significant percentage of their national budget to National Security and their intelligence services. Many of these budgets are secret and some states will provide an estimate for national security but not a specific amount for intelligence. Intelligence derived from information is used to influence daily and long-term decision making of individuals, industry, the military and governments [1]. Laqueur, Walter argues that Intelligence services provide the basis for knowledge [2]. They must also, at all times, be able to warn of impending crises and detect possible surprises, dangers, threats or attacks in advance. Intelligence is both information and an organized system for collecting and exploiting it. It is both an activity and a product of that activity [3]. Accountability and Oversight within the intelligence community, ethic, media relations, intelligence sharing and the operations of Fusion centres are just some of the challenges faced by the intelligence community. This discussion aims to address some of those challenges and how they are being addressed by the governments and the intelligence community.

Keywords: intelligence work, intelligence community, national security, foreign policies, ethic of intelligence community

Introduction

Information, Intelligence and Cycle

As Shulsky & Schmitt [4, p.2] describes, intelligence as an activity involves the collection and analysis of intelligence information which can

also be used to counter intelligence activities of enemies. Intelligence today somewhat but largely accepted as information processed through a cycle resulting in a refined or finished product. Lowenthal [5] describes the concept of intelligence to be derived in three different ways. Firstly, a process of collecting information, followed by analyzing and finally delivering the finished product to policy makers and operational commanders. This intelligence cycle though contested remains the standard model used by intelligence agencies [6]. To date, the most widely, frequently practiced and credibly accepted sources of intelligence are that of HUMINT and SIGINT. The intelligence process will now be examined for clarity before moving further into discussion.

Consequently, the cycle better known as the intelligence cycle is used as the main mechanism in repetition for producing intelligence from information by functions of planning and direction, collection, processing and exploitation, analysis and dissemination. It must be noted that information and intelligence in the realm of security and international relations (IR) are different in meaning and context. Information in this context can be raw, dissimilar and unrefined that derives from various collections methods such as human intelligence (HUMINT), imagery intelligence (IMINT), signals intelligence (SIGINT), measures and signatures intelligences (MASINT) and open source intelligence (OSINT) and are considered the 'dots'. Only when this information is processed and completes the rigors of the cycle, can it be viewed as a finished product or intelligence, observed as 'connecting the dots' by use of the intelligence cycle. Additionally, Odom [7, p. 323] describes the latter, intelligence, as a product of process of analysing and evaluating the former, information.

Role of Intelligence

Intelligence collection can be carried out overtly or covertly, loosely described as open source and covert action respectively. Jackson and Siegel [8] describes its role as two-fold; a tool to guide policy and a tool for the implementation of policy and further justifies that the role of intelligence is to reduce uncertainty. However, the areas where controversy lies is the covert collection of information and ethical issues. Overt practices of information gathering may consist of the use OSINT from newspapers, public information, online articles and media sites and other sources within the political, economic, social, technological, environmental and legal (PESTEL) factors of a state. While covert practices may take more aggressive, secretive and clandestine approaches to gather information about hostile enemies. Examples of covert practices can be observed in

the form of states and agencies coercing groups, armies and communities resulting in revolutions, coups, assassinations and overthrow of other state governments. Some examples of covert action can be observed through history such as the attempted assassinations of Fidel Castro, the U.S. and U.K. orchestrated 1953 Iranian coup d'état and the Libyan supported attempted coup in Trinidad and Tobago in 1990 and the proposition by the United States of America on regime change in Venezuela under President Nicolás Maduro. Both overt and covert practices have come in for criticism due to the consequences against violation of rights, privacy, breach of laws and violation of legislation. The Covert disciplines of HUMINT and SIGINT have seen numerous criticisms due to the exploitations of the risks previously discussed. Agencies such as the NSA, GCHQ, SAS, FBI, MI5, MI6, CIA, MOSSAD to name a few are engaging in both overt and covert practices in the international system today. Whereas, opponents in the intelligence community are not referred to as enemy as this is more frequently used when there has been a declaration of war, “adversary” is the termed used to described non-allied states [4]. Consequently, covert and clandestine practices are viewed as techniques used to ‘steal’ information and intelligence from not only hostile nation-states and terrorist groups [9, p. 190, 191].

Intelligence and International Relations

The conceptual framework in which intelligence is studied will continue to evolve with adaptations to the new conditions and possibilities of the environment. As more intelligence and intelligence related material enters into the public domain, scholars and practitioners of international relations must take greater account of it and the study of the role of intelligence. Within the last two decades’ intelligence has been attracting significant interest from scholars of political philosophy and international relations theory. However, Michael Fry and Miles Hochstein observed in 1994 that, while intelligence studies had developed into an identifiable intellectual community, there was a noticeable disappointment to integrate intelligence studies, even in a primitive way, into the mainstream of research in international relations. Therefore, it could be argued that Intelligence Studies, although relatively new, has the same self-perpetuating value that contemporary history and international relations can boast. Intelligence is all elusive, in the work of most international relations theorists and it does not figure in any key International relations theory debates between realist, liberal, institutionalism, constructivist and postmodernist approaches. It is interesting to note that, while there exists an implicit assumption that the

study of intelligence falls within the realist field, contemporary neo-realist writers have largely ignored intelligence in their reflections [3].

The important role played by the intelligence community

Historically, intelligence focused on external adversaries rather than the threats faced by local subversive groups. Such information gathering on local groups were thought of as a job for the local police with no scientific approach but just the collection of data regarding identity and residence. These local police or secret police in a totalitarian state were looked upon as tools of the government aimed at repression and control of its own citizens. Many persons accept the fact that intelligence has two broad functions-collection and analysis-and one relatively narrow one, covert action. An additional function, counterintelligence, is integral to the entire intelligence process. While the necessity for collection and analysis is generally understood and accepted, there is less acceptance of covert action as an appropriate intelligence function and less understanding of the critical importance of counterintelligence. The fact remains that all democratic states retain internal security intelligence agencies. One can ask the question, what is the point of a domestic security intelligence service in a democracy? One can conclude that the primary task of the service is to defend the state against threats to its national security. Nevertheless, because those threats could often be covertly-organised, the service needs intelligence to counter them. The service is important in identifying those threats and the persons or organizations or states involved as sponsors of those threats. Many countries that are aligned to the United States and the United Kingdom saw all countries aligned to the USSR as a threat and sought to extend additional scrutiny to visitor and migrants from these countries. The cold war is over but there are still threats to national security of democratic states. Furthermore, there is reason for a separate security intelligence structure to protect national security. Their main role is to gather information and produce intelligence that will enable it to warn the government about activities or situations that might endanger the country's national security. The police are there to do the job of law enforcement and their intelligence objective is the arrest and prosecution of offenders. Intelligence services are to be an independent agency with some level of oversight from the government in power. There must be clearly defined functions of a security intelligence service in relation to the government and its position within the structure of governmental institutions. There must be a system of control and external review of the security intelligence service in a democratic country. This does not suggest that parliamentarians and

oversight bodies be entitled to know everything about the service, but with limited access to the identity of human assets. A sensitive balance must be found that will permit intelligence agencies to conduct effective security intelligence and, at the same time, to ensure the protection of human rights and fundamental freedoms? [10].

Many countries have passed laws that give the intelligence agencies a legal standing. The Kenyan government is one of those countries that gained independence from the Great Britain and has a National Intelligence Service Act No. 20 of 2012. The act also specifies the functions of the service such as, responsibility for security intelligence and counter intelligence to enhance national security in accordance with the Constitution, gather, collect, analyze and transmit or share with the relevant State agencies, security intelligence and counter intelligence; detect and identify threats or potential threats to national security; advise the President and Government of any threat or potential threat to national security; safeguard and promote national security and national interests within and outside Kenya; gather, evaluate and transmit departmental intelligence at the request of any State department or organ, agency or public entity; regulate, in co-operation with any State department or agency, the flow of security intelligence between the Service and that State department or agency. Some countries have authorized the intelligence agency to conduct security Vetting for persons hold key government position, persons seeking to be registered as a citizen, foreign institutions seeking documents or seeking to undertake any activity in the country which may have a bearing on national security and carry out protective and preventive security functions within State departments, agencies, facilities and diplomatic missions.

The role played by the IC in shaping our national security and foreign policies

If ‘knowledge is power’ it can also be inferred that intelligence is a form of power itself. “Information can support the exercise of other forms of power – for example material or coercive. Intelligence provides the basis for policy or decisions – people, organizations and states, if they are to act ‘rationally’, will do so after canvassing fully the alternative courses of action open to them and their costs and benefits” [11, p. 33]. Therefore, tensions can arise between intelligence’ conclusions and politicians’ desire for particular answers. In most instances rational individuals formulate policies based on principles or grounded in ideology, while intelligence is produced by evaluating ‘dry’ information. When they meet, the contest is uneven: ‘When intelligence clashes with policy preference, intelligence

loses; when information runs up against political power, information is the casualty. Indeed, when information is countered by perception or, more accurately, conception, evidence is discounted'. Thus, in practice intelligence information will be tried upon its ability to support a chosen course of action which has been formed even before the search for information, in this way creating a reversed knowledge/power relationship. An additional variable at the center of security intelligence is secrecy, since: 'Without secrets it is not intelligence' [12, p. 9]. Secrecy is important not just as barrier to surveillance – it pervades aspects of the process itself. Some actions make no sense unless carried out with an element of 'surprise', such as arrests. However, secrecy also raises key issues of legality, morality and accountability [13].

Technology and Intelligence

Technology was the main driver in the intelligence revolution of the twentieth century. The fast access to a global accumulation of knowledge assisted by increasingly sophisticated search engines, has transformed the characteristics of intelligence capabilities and methods. The information technological revolution can of course be a double-edged weapon, as it affects the domain of intelligence as much as elsewhere. The introduction of advanced technologies into the public domain will often create changes in the nature of society itself. This generates not only new opportunities but new threats. In the information age "intelligence" has become less about penetrating secrets, and more a matter of separating useful information from the torrent of open information. Avoiding information overload and separating the wheat from the chaff is crucial in providing "just in time" decision support to the intelligence consumer [3].

Culture and Intelligence

Current culture has often played a significant role in shaping both official and public attitudes towards intelligence. Novels, movies and dramatic representations of international politics have played an important role in the conceptions of the public. There is a noticeable overlap between authentic intelligence operations and the way they have been portrayed in works of fiction. Intelligence Studies' greatest advantage is its increasingly relevant application to modern living. It provides a link between the intelligence community and the public which will be even more fundamental after the Cold War. As David Gries has pointed out, "Intelligence is starting to acquire a new look" [14]. Intelligence has always been a fascinating subject for filmmakers and audiences, although as a U.S intelligence officer has pointed out: The most effective means of accomplishing the task of public education is by letting the public benefit directly from the products of intelligence,

its information and assessments that will not compromise national security or the safety of assets. In addition to a favourable public attitude towards intelligence which is both desirable and needed in democracies, public partnership is also important. In fact, the prerequisite for making democratic oversight work is an intimate knowledge of the purpose, role, functions, and missions of intelligence services. Such knowledge and understanding is also needed for making intelligence smarter and for any reform of intelligence services corresponding with democratic norms and standards. In many cases, Institution-based analysis ignores the role that intelligence plays in the broader social and political context. The effects of intelligence failures often stretch beyond governments; they influence public opinion and force governments to react through pressure from below. In such situations public opinion will often speculate with conspiracy theories due to the inherent secrecy surrounding intelligence activities. It is here that Intelligence Studies can play an important role in educating society and correcting such common misunderstandings. The touchy issue of intelligence accountability is very closely associated with the public perception of intelligence. Ethical concerns regarding civil liberties and intelligence collection are important issues, in addition to the fact that huge intelligence budgets such as that of the U.S. need stringent oversight (the US intelligence budget amounted to more than 27 billion dollars in 1997, around 35 billion dollars after September 11, and is now currently around \$40 billion (Federation of American Scientists) [15].

Intelligence accountability

While spying or intelligence work is said to be the second oldest profession, intelligence accountability is a recent occurrence. Until the mid-1970s, intelligence – with any oversight it might require – was considered to be a matter for the executive in nearly all democracies, let alone in dictatorships. Prior to that, parliamentarians barely had any information on or influence over the intelligence services [16]. Before the 1970s, the intelligence services of many countries, such as the United Kingdom, functioned on the basis of executive decrees, and there was thus no legal need to obtain parliament's approval of the structure and special powers of the services. This situation started to change in the United States in the mid-1970s when, shocked by scandals involving domestic spying on anti-Viet Nam War protesters and exposures about illegal covert operations carried out by the Central Intelligence Agency (CIA), the US Congress enacted far-reaching legislation that created a key intelligence oversight role for the Congress and other oversight mechanisms. Reforms in Australia and

Canada followed and the process gained impetus in the 1980s. Born and Leigh suggest that after the end of the cold war, the third phase of intelligence oversight began in the post-Communist states, many of which, with Western backing and help reformed their intelligence services by putting them for the first time on a statutory footing, supervised by both the executive and the parliament [16]. Why did these various states successively change their old customs of keeping the intelligence services beyond public accountability? In many states, scandals provided impetus. This was the case in Norway, Australia, USA and Canada where legislative and public investigatory committees exposed human rights abuses and pushed for strengthened intelligence oversight systems. Constitutional reform (e.g. in South Africa), transition to democracy (e.g. in South Korea, Argentina and Poland) and legal challenges

brought by citizens (e.g. in the UK, Netherlands and Romania) were all reasons why governments began to enforce public accountability on their intelligence services. As of 2006, democratic parliamentary oversight of intelligence services on a statutory basis has become the international norm in democratic states and has received the support of international bodies such as the parliamentary assemblies of the Council of Europe and the Western European Union [16].

In a democracy there are elements of control provided within a legislative framework such as; Subordination of the security and intelligence services to the executive (e.g. cabinet ministers, inspectors general and high-level coordinating bodies), including safeguards against possible ministerial abuse of the services. The authority of the parliament, specifically of its special parliamentary intelligence oversight committee, authorization and appropriation of public funds, Permanent mandates of relevant agencies and their field (s) of operation, Internal control and direction within the services, Control over politically sensitive issues, such as covert operations and international cooperation, reporting mechanisms to the executive, the parliament and the wider public, the process of appointing and dismissing the directors of the services, any special powers or exemptions the services enjoy, the role of independent bodies such as the financial audit office and the courts and complaint mechanisms such as ombudsmen, tribunals, review boards and data protection officers.

The main impetus for change in the governance of intelligence services [16]. Intelligence continues to expand in so many different ways and being utilized by a number of organizations that were not initially linked to law enforcement that must be taken into consideration by any

oversights body. Governments and societies face numerous risks arising in different dimensions, a widening range of authorities other than the intelligence services collect, analyze and use material that fits the definition of intelligence for their own specific purposes. Defense intelligence is a well-known special field (and not uncommonly, a competitor with civilian agencies), and “commercial intelligence” has its own and rather different meaning. Furthermore, police, customs, immigration, transport security and even social security authorities are all increasingly involved in intelligence-like operations and as such raises obvious questions about the adequacy, consistency and coherence of democratic norms and oversight governing these different actors and activities: an important subject for further research and discussion.

The Challenge of Oversight

Given that governments have set up Oversight committees there are still challenges these Oversight Committees will encounter. It is undisputed that there is a need for intelligence and modern states cannot do without it. Few states take the view that they can dispense with a foreign intelligence service and none is necessarily immune from terrorism or the inquisitiveness of its neighbours to forgo an internal security service. Two basic designs exist for organizing security and intelligence. In the first design there is a single agency for domestic and foreign intelligence (e.g. in Albania, Netherlands, Bosnia and Herzegovina, Spain and Turkey). In the second design there are distinct agencies for domestic security and external intelligence, with either separate or overlapping territorial competences (as in France, Germany, Hungary, Poland, the UK and the USA). Notwithstanding these variations in the organizational structure or governmental setting, security and intelligence pose a common set of challenges for accountability the world over, such as; the need for secrecy versus the need for transparency. The fundamental struggle that intelligence oversight poses is the problem of how to provide democratic control of a governmental function and institutions which are essential to the survival and flourishing of the state, but which must operate to a certain extent in justifiable secrecy [16]. In the case of security and intelligence, and the difference to many other areas of governmental activity, it is widely accepted that official communications and operations can only be transparent to a limited extent, otherwise the relevant operations, sources and assets will be compromised. This suggests that the fundamental pattern of oversight for other governmental activities needs to be adapted for the circumstances of security and intelligence, yet that the need for rigorous control is greater, not less, than in the case of more

mundane activities such as education or welfare

The necessary secrecy surrounding security and intelligence runs the risk of encouraging and providing cover for illegal and ethically doubtful practices on the part of the agencies involved. The democratic process itself may be subverted by the infiltration of political parties, trade unions or civil society groups in the name of security and intelligence. The privacy of innumerable individuals may be interfered with by the collection, storage and dissemination of personal data, whether accurate or flawed. Incompetence and corruption may go unchecked. Since September 2001, because of increasingly multilateral intelligence cooperation in combating global terrorism, the risk has grown also of sharing information with regimes that may put it to wrong use. Another area of concern is human rights abuses or breaches of international law committed by a given country's intelligence services abroad may both harm the country's international standing and invite damaging retaliation. Furthermore, information about clandestine operations that becomes public may harm relations with the countries in which the operations are conducted or which are targeted by them.

The Temptation for Politicians

Another challenge faced by Oversight committees are the temptation they present to politicians. In modern democratic states the security and intelligence agencies play a vital role in the support of government in its domestic, defense and foreign policies by supplying and analyzing relevant intelligence and countering specified threats. It is critical that the agencies and officials who carry out these roles are under democratic supervision by elected politicians, rather than accountable only to themselves. However, there is a real danger that politicians will be tempted to use the agencies' resources of information and services to serve a domestic party political agenda. This likelihood of gathering information to discredit or influence domestic political figures and movements must be guarded against. Well-structured accountability configurations therefore attempt to protect security and intelligence agencies from political abuse without isolating them from executive control. The solutions adopted by democratic states to deal with this paradox are two-fold: first, by balancing rights and responsibilities between the agencies and their political masters; and second, by creating checking mechanisms outside the executive branch.

Old democracies such as India, United Kingdom and France still have challenges with their Oversight structures as governments change. However, new democracies that have recently transition to democracy from authoritarian regimes will have some difficulty as cultural customs and

public perception will have a great impact. In their former authoritarian state, the core task of internal security and intelligence services in such countries was not only to protect the state and the constitutional order but also to protect authoritarian leaders from their own people. Primarily, the security and intelligence services satisfied a repressive function. A mammoth effort is required to reform the old security services into modern democratic services, and the process of turning them from an instrument of repression into a modern tool of security policy requires careful monitoring by the executive and the parliament.

International cooperation

Cooperation and the sharing of intelligence between foreign agencies and is critical for modern states. Developing and maintaining those relationships is imperative for the wellbeing of humankind. If the new perceived threats (i.e. militants and terrorists) operate in constantly changing cross-border structures (benefiting from creations of the information age such as mobile phones and the Internet), then the intelligence operatives and services attempting to track them down must respond by operating in similarly dynamic cross-border style. Despite the various difficulties of intelligence sharing between states, intelligence agencies of different states collaborate in a number of ways: pooling resources, trading information and drawing up common threat assessments. Given the many Memorandums of Agreements and other agreements on cooperation there must be stick controls by the Oversight committees. The first is the temptation for intelligence services seeking information on pressing issues to disregard the original method used by a possibly less scrupulous overseas partner for obtaining the information. International law clearly prevents the use, for example in a terrorist prosecution or in deportation proceedings, of information obtained in another state through torture.¹⁸ Under Article 15 of the 1984 Convention against Torture and Other Cruel, Inhuman or Degrading Treatment or Punishment,¹⁹ any statement made as a result of torture is inadmissible in evidence in ‘any proceedings’, except in proceedings against the alleged torturer. It can be argued, although international law is not so specific here, that the same considerations apply even to the mediated use of information obtained by another state’s security services through torture. As the British Judge David Neuberger commented in a relevant case: ‘by using torture, or even by adopting the fruits of torture, a democratic state is weakening its case against terrorists, by adopting their methods, thereby losing the moral high ground an open democratic society enjoys’ Lord Justice Neuberger [76].

A second reason for concern is that international intelligence cooperation may entail transferring information on national citizens to foreign intelligence services. Many countries have introduced legal safeguards and controls to avoid personal data on their citizens being supplied to other countries in breach of domestic law. The issue goes wider than concern for the originating state's citizens. Since intelligence shared with foreign intelligence services is no longer under the control of the provider, inappropriate or careless use by the recipient may harm the intelligence activities of the supplier. More importantly, the intelligence provided to a foreign entity may be used or even be essential for supporting policies counter to the interests or objectives or against the ethical standards of the providers. For these and other reasons, it is vital that international intelligence cooperation should be properly authorized by ministers and should be subject to a necessary minimum of safeguards to guarantee compliance with domestic law and international legal obligations. At the least, international cooperation should be based on formal agreements or frameworks which have been subject to ministerial approval. Safeguards against ministerial abuse of intelligence services. Executive control of the security sector brings potential risks which require additional safeguards. First, if there is extreme secrecy, the government in effect treats information acquired by public servants as its own property. The executive may attempt to withhold information about security accountability or procedures that are legitimate matters of public debate with the purported excuse of national security. Second, the executive may be tempted to use security agencies or their capacities to gather information in order to strengthen its position. Safeguards permitting officials to refuse unreasonable government instructions in the latter context are highly desirable.

There is a delicate balance between safeguarding proper democratic control of the security sector and the misrepresentation of intelligence findings to support a particular political option. The legislation governing security and intelligence agencies should contain clear arrangements for political direction and, in the case of internal agencies, political independence, to ensure that matters of policy are determined by politicians accountable to the public. A number of countries have different forms of safeguard to prevent the misuse of agencies by the executive. In Australia, Canada and Hungary there is a requirement that ministerial instructions be put in writing. Such instructions may also be required to be disclosed outside the agency. The Canadian Security Intelligence Service act, for example, requires that they be given to the responsible review committee. The Australian law requires

them to be given to the independent Inspector-General of Intelligence and Security as soon as practicable after the instruction is issued. A second type of group of safeguards aims at promoting the political neutrality and bipartisan use of the intelligence services. For example, the Australian intelligence legislation gives the director-general a duty to brief the leader of the opposition.

A bipartisan approach to security and intelligence is more likely to be maintained if leading opposition parliamentarians do not feel that they have been wholly excluded from the ‘ring of secrecy’. In a more complex federal presidential state there may be a range of actors who should be briefed on a ‘need to know’ basis. In Bosnia and Herzegovina and the UK, for example, intelligence laws include clear provisions that the intelligence and security services shall not allow their impartiality to be undermined – be it by furthering the interests of certain political parties or by weakening the credibility of legitimate political movements in the country. A third type of safeguard is the so-called open-door policy by which the agency head is granted the right of access to the head of government in order, among other things, to express any politically related concerns.

In the UK, the heads of the domestic (Security Service) and foreign (Secret Intelligence Service and Government Communications Headquarters) security agencies, although responsible to the home and foreign secretaries, respectively, have the right of direct access to the prime minister [18].

A fourth group of safeguards against ministerial abuse exists within the agency: for example, legal limits on what an agency can be asked to do; legal safeguards regarding the appointment and dismissal of the agency head; and independent mechanisms for dealing with suspected illegal activities (so-called whistle-blower or grievance procedures).

The Media as an Oversight Body

Earlier in our discussion we spoke about popular culture influencing the public and governments in policy decision and treating with intelligence. The notion of media as the ‘fourth estate’ is now firmly established as a main principle in modern Western democratic theory. Free and independent media are considered a key element in democracies, where they accomplish a vital role as a bridge between society and those who govern. By providing comprehensive and reliable information and giving voice to a multiplicity of views and opinions. The media facilitate informed debate and critical appraisal of state action and by showing their audience what is actually happening, the media helps to subject the claims and actions of a government to public scrutiny and thus hold political and state actors

accountable. Democratic civilian oversight and accountability of the armed forces, police, and other elements of a state's security infrastructure are also now well-established norms of democratic politics, and progress in these domains is linked with democratic consolidation. Yet, of all the sectors of public policy, the security sector has proven in practice to be one of the most resistant to external oversight and public input. Lack of transparency and low levels of public scrutiny are often legitimized by governments and security elites for reasons pertaining to national security that is defined by the government of the day. Even in developed nations, national security – and by extension, the institutional apparatus existing to provide and manage it – has traditionally existed as a domain of executive prerogative, secrecy and lack of transparency. The events of 11 September 2001 and the heightened perception of security threats in various regions have further contributed to the curbing of freedom of expression, access to information and public scrutiny of the security sector activities.

Government and security officials may block or delay release of information, manipulate or 'spin' information, or may seek to influence journalists through a wide variety of means – from creating conditions of dependence and potential co-opting by embedding reporters with armed forces in conflict situations, to intimidating or threatening. One of the ways that the media seem to provide some level of oversight is through Investigative journalism. Investigative journalism, defined as the active and sustained examination by a journalist of possible abuse of power, is viewed as one of the more effective means of exposing wrongdoing in government. Investigative journalism was given a huge boost after the Woodward and Bernstein Watergate revelations. For Investigative Journalism to be effective three conditions must be met. First, a good regulatory structure must exist, enabling the development and existence of independent and pluralistic media. This includes entrenching the right of freedom of expression in the constitution. Second, journalists require access to information from a variety of sources. A key means of achieving this is through an access to information regime, which would help to legally ensure that journalists and the public enjoy a right to access information held by the state about government and its operations. Finally, media must be free to publish the findings of investigative journalists, free from censorship or the fear of reprisals, including legal remedies such as libel, insult or slander lawsuits, but also threats and harassment [19].

International law recognizes national security as a legitimate restriction on freedom of expression and information. State authorities are often

permitted by law to curtail media freedom and access to information held by state authorities for reasons of legitimate national security or public order concerns, whether during normal times or in a state of emergency. For example, the International Covenant on Civil and Political Rights (ICCPR) states that the right to freedom of expression may be restricted for the protection of national security, public order, or public health or morals, as well as, the rights or reputations of others. Such restrictions must be provided by law. Of these terms, however, ‘national security’ is the most difficult to define precisely, being highly reliant on the context and interpretation. In the past, national security was often invoked to restrict freedom of expression and information. In order to avoid exploitation and misuse of the power to derogate these rights, media watchdog and human rights groups have campaigned for narrow and more precise definitions and interpretations of the circumstances of exception, namely ‘national security’, ‘public order’, and ‘public security’.

The relationship between the media and representatives of state security institutions, whether the military, police or intelligence agencies, is by its core in tension because of the deep differences in institutional cultures, values and functions.

Militaries and police services are bureaucracies based on rigid hierarchy, obedience to authority discipline and discretion. Their missions and institutional settings are strong homogenizing factors, and members often espouse more conservative values and perspectives than other members of society. In contrast, the media are fragmented into numerous competing entities and are self-regulating. Journalists tend to question authority and demand openness. Its practitioners are known for their individualism and scepticism, and view one of their key roles as exposing abuses of power. Whereas security institutions relay official information, and often need to keep sensitive facets of their work hidden or secret, especially when that information could be politically embarrassing or damaging to the institution, the media seeks transparency and disclosure. Furthermore, the goals of the media and security organizations differ significantly: journalists seek to relay a story that will get printed and will interest the public, whereas those involved in the security sector seek to protect national or public security according to the missions and policies set out by their institutional and political leaders. However, the media and the security sphere are dependent on one another.

Security institutions, like governments, ultimately depend on public support for their activities and budgets. In a democracy, the media has

a responsibility to subject political leaders and security elites to public scrutiny and to question their policies. This action by the media acts as an oversight. It is important for the media and the security agencies work together to educate the public, question government about security policy, and hold leaders to account.

Media and intelligence Oversight

While in almost every other sector of public policy, the media and members of civil society perform a self-evident oversight function, their roles in terms of intelligence are more equivocal. Intelligence agencies are governed by secrecy in their activities, operations and products. The normally low visibility of intelligence activities and personnel, secrecy and classification of information relating to intelligence programs, budgets and operations severely restrict the information available in the public domain. The necessity for secrecy in this domain creates special challenges in terms of parliamentary oversight and scrutiny by the media, with the result that intelligence services are, among the state's institutions and agencies, one of the least subject to democratic control.

Media oversight of intelligence agencies is particularly challenging as a consequence of the very few journalists who actually specialize in this area, and who more usually lack specialized education in national security affairs. Non-specialists may use loose and inaccurate terminology, may lack the background necessary to frame discussions about intelligence issues, and may fail to put intelligence-related issues in context by discussing the conditions under which intelligence agencies operate. The scarcity of journalists with a relevant area of expertise is compounded by the decreasing support for investigative journalism in many mainstream media. Investigative journalism is expensive, and consumes considerable time and resources. Moreover, ongoing coverage of intelligence-related issues – which is more likely to provide scrutiny and accountability than event-driven coverage – is unlikely except in states with large intelligence apparatuses, as in the US, or states having a recent history of repressive intelligence agencies and deep societal interest in the subject, as is the case in Romania. Nevertheless, the media can on occasion play an important role in monitoring security and intelligence agencies and bringing serious misconduct to light, but the informal oversight they may exercise often occurs through the lens of scandal. For example, media exposés of CIA wrongdoing in 1974 (especially by New York Times journalist Seymour Hersh) led to the official inquiries of the Church Committee in the US and wide-ranging changes to intelligence control and oversight.

In such instances the press serves as a sort of ‘unofficial opposition’ or fall-back accountability mechanism: when internal control does not check questionable behaviour, and external control does not identify and challenge it, the potential exists in a free society for insider whistle blowing (leaks) to draw a journalist’s attention to misconduct, corruption or other serious violation of expected behaviour, and for the journalist to bring the issue to public attention. At the same time, intelligence services in democratic states are gradually cognizant of the need to cultivate public support and public trust. These are essential, for example, in order to obtain adequate resources, recruit talented people, and be trusted in their judgments and assessments by those using the intelligence product. A main challenge faced by intelligence services, then, is to maintain secrecy while gaining public support. Additionally, if intelligence services do not adopt a proactive approach to managing their relations with the media and the public, their public image remains essentially in the hands of journalists who – in the absence of other information – may concentrate on scandal or failures rather than success in order to produce compelling stories that attract public attention.

The interest in educating the public can also be corrupted and lead to abuses, as was demonstrated by the manipulation and misuse of intelligence relating to Iraq’s supposed possession of weapons of mass destruction (WMD) by the governments of George Bush and Tony Blair to justify the war in Iraq. In both cases, intelligence was apparently manipulated and politicized to create unequivocal assessments on the existence of the WMDs in order to convince foreign actors and domestic publics of the rightness of the decision to take unilateral action and invade Iraq. Both governments released secret intelligence in order to manufacture public consent. The presentation of secret intelligence thus became a systemic part of the political process of legitimizing the invasion by the US and British governments. The episode involving the WMD claims is noteworthy for depicting some of the consequences of political presentation of intelligence in the public domain. A deliberate policy of selectively putting intelligence in the public domain may appear to make the job easier for journalists because it proposes that intelligence assessments will be more frequently aired in the public sphere where they can be debated. However, it raises the danger that intelligence will be politicized, and that this will happen earlier in the process, since if analysts know that intelligence is going to end up in the public domain, they will make sure it aligns with political preferences. The episode also exposed that the British and American media had failed

to explain the nature of the intelligence process and product adequately in the lead-up to the war. Basic information, such as the nature of intelligence collection and analysis, was not generally communicated to the British or American publics, nor was the professional norm in democratic states that intelligence should not be politicised because it raises a real risk of being misused.

The intelligence sector, then, is one of the most challenging of areas for journalists. It carries the inherent risk of over-reliance on official sources and the propensity to reproduce official statements and perspectives rather than critical examination of the way that officials frame events, issues and policies that will prevent the media from acting as an oversight. It also carries the risk of deliberate manipulation of information provided to journalists.

When media expose wrong-doing or misconduct, they function as watchdogs, and hence as mechanisms of accountability. Beyond the watchdog function, by presenting accurate, balanced and timely information on issues of interest to society, journalists help citizens in making educated decisions concerning who governs them and how they are governed. When media help the public to make well-informed choices, they function as an instrument of good governance. Good journalism provides channels of communication in society, helping to educate, inform, and exchange information between the public and its leaders. Journalism thus plays a vital role in identifying what is at stake in a particular policy or decision, in framing issues for the public, analyzing the issues and identifying possible solutions and alternatives [19].

Ethical concerns

The study of ethics is all about human relationships and how we behave in the different roles we play, this includes the role of leaders [20]. To Geoffrey Harpham, ethics is simply “the site of a desire for a clean conscience” [21, p. xiii]. According to Trevino (1986) ethics is a code of values, moral principles and behaviours (acceptable and unacceptable) that guides an individual’s behaviour as to what is right from what is wrong. Regardless of how you define ethics, it is important that context is understood to play a critical role in determining between normative ethics (e.g. what one should do) and descriptive ethics (e.g. what one actually decides to do).

Leadership is vital to any organisation and plays a key role in the culture and ethical standards within an organisation. A good leader needs to behave in ways that influence the behaviour of their followers. They must also provide direction and assess the needs and expectations of their followers in order to influence them to work towards the vision and benefit of the

organization. They must have a deep understanding of the core values and that all of the rules assumed as a leader “need to be founded or rooted in some solid commitments: to common ethical values; to the voice of professional convictions; to your personal conscience; and to your professional and social constraints (codes)” [22, p. 19]. The greatest strength and the greatest weakness of leaders is that they are all human beings and therefore at times can act as “unpredictable creatures, capable of extra-ordinary kindness and cruelty” [18; 23, p. 1].

Ethics and leadership are vital to any organization. Within the intelligence community leaders have an undisputable role in the security of a nation and often deal with disturbing information and sometimes operate in personal danger to obtain valuable information. In some cases, unethical tactics (such as stealing or eavesdropping on an unsuspected conversation) are used to obtain information on possible national threats. In a normal life eavesdropping on someone else’s conversation or hacking into their computer would be considered a serious breach of courtesy and/or social convention. However, in the intelligence world, unethical tactics are necessary to protect nations and the people living within them [23]. Due to the nature of the profession, intelligence officers obtain information using both overt operations (information is public) and/or covert operations (information that is not public). Intelligence professionals around the world are taught and encouraged by their leaders and agencies to use unethical tactics or “tradecraft” (e.g. lie, deceive, steal, and manipulate) in order to obtain this information. Even so, some of these operations breach ethical standards, sometimes even resulting in human rights being taken away. These practices would be considered unethical and illegal if practiced in everyday life; however, in the intelligence world they are ethically tolerable when national security is at risk [6]. Over the last few years there have been several controversial cases (especially those involving suspected terrorists) that underline the need for more ethical guidelines surrounding intelligence practices. One of the most published examples is the detention of Binyam Mohamed at Guantanamo Bay. While detained, Mohamed admitted that he trained in the al-Qaeda terrorist training camp. However, these charges were later dropped by the USA because the evidence against him was obtained by using extreme, inhumane torture techniques [24]. This is also apparent for much of the Bush administration and the hunt for Osama Bin Ladin. The issue of torture and the legitimate treatment of individuals suspected of terrorist activities has been at the front of the discussions, leading a number of countries to investigate national intelligence services and the

way in which political leaders have handled intelligence through special and parliamentary inquiries [24].

The nature of Intelligence work consists mainly of the collection and analysis of information that is generally available to anyone with the right resources. When information is not publically available, intelligence officers use a variety of methods to collect intelligence: 1) Signals Intelligence (SIGINT) which is the interception of foreign communications; 2) Geospatial Intelligence (GEOINT) which is derived from the collection and analysis of images and geospatial information (physical information in the form of maps or three-dimensional virtual representations of landscapes, etc.) about the features and events with reference to location and time; and 3) Human Intelligence (HUMINT), which is the direct, personal involvement of intelligence officers with another person who has been recruited or has volunteered to betray their own government. Even though HUMINT is the most common method used, all three are utilized to build a stronger understanding of the information obtained. Within the Central Intelligence Agency (CIA), HUMINT is relied on to obtain information that is not normally available through other sources. In this case, the CIA employs case officers who recruit foreign nationals to gain access to information as well as help with understanding the information. When information is not easily accessible it is obtained through covert operations, such as eavesdropping, cracking codes, intercepting private communications, observing activities that would be preferred to be unobserved, and interrogation. For example, during the Bush administration's war on terrorism, any intelligence about the enemy (even that gained through unethical interrogation techniques) was considered compulsory to protect the American people. An example of such interrogation methods is where "terror suspects overseas are kidnapped and delivered to third-party countries for interrogation – which, not uncharacteristically, includes some measure of torture and sometimes fatal torture". There are some scholars who support and endorse the argument that "torture [sometimes] works". These scholars believe that when torture is used for informational purposes to unveil a potential threat to national security its use is therefore morally justifiable

Ethical Approaches

There are three main approaches to studying ethics in the current literature: realism, consequentialism, idealism and "just war" or "just intelligence" theory. According to the realist approach, intelligence activities are justified if they serve the well-being of the state and rest on the "moral duty of the sovereign to protect her subjects" [25, p.89]. Thinking such as Niccolo

Machiavelli and Thomas Hobbes advocates realism. According to Hobbes, governments are entitled to “do anything” that seems necessary to protect national security. Therefore, nothing is really off limits for governments wanting to gather information from abroad, especially in times of war. On the same level, nations have no inherent right of privacy against other nations during peacetime. From a realist perspective, when an intelligence officer engages in what would be considered unethical behaviour (e.g. lie, cheat, blackmail, etc.) these actions are not considered unethical because they are all necessary for national security. The consequentialist approach is more concerned with the ends rather than the means and judges action by the value of their consequences. It also does not advocate an “anything goes” policy; it is dependent on the ends outweighing the means. According to the consequentialist approach “intelligence activities will be acceptable if they maximize the good through balancing the benefits of increased knowledge against the costs of how it might have been acquired” ([25, p.89]. However, the definition of what is considered a “good outcome”, as Jones (2010) points out, depends on who it is good for.

The third approach to ethics is idealism or deontologicalism. This approach is based on the work by Kant, where morality is regarded as an absolute (e.g. “Thou shalt not kill”) without any exception and where “people must be treated as ends in themselves, not as tools” [25, p. 90]. According to this approach, some of the methods used to collect intelligence (such as deception and theft in covert operations) are considered morally unethical. To satisfy this approach, only publicly available information would be acceptable. The current collection methods used by intelligence agencies (e.g. any covert operations) would be deemed unacceptable. However, if this was actually implemented into today’s world many nations would fail to protect their national security as most information can only be obtained through covert operations.

In the end, realism and idealism are on the complete opposite ends of the scale. Both of these approaches attempt to distinguish all moral questions into a black or white category. The final approach is the “just war”, also known as the “just intelligence” approach, and is commonly accepted as the most reasonable way of addressing the ethics–intelligence dilemma. This approach is based on “structured reasoning” [25, p. 90] and is used: To distinguish between the conditions under which an object can justly be targeted by an intelligence agency and the manner in which intelligence agents and entities conduct themselves thereafter. For example, at times of war, military professions are exempt from ordinary laws (e.g. they have the

right to use covert methods to obtain information from a national threat and also have the right to kill). As Jones (2010) acknowledges, outside times of war these professionals would be considered liars and murderers. It is essential to remember that intelligence gathering is a constant state.

In 2014 the Office of the Director of National Intelligence put forth Principles of Professional Ethics for the Intelligence Community. The principles—Mission, Truth, Lawfulness, Integrity, Stewardship, Excellence and Diversity—reflect the standard of ethical conduct expected of all Intelligence Community personnel, regardless of individual role or agency affiliation.

The open source revolution (OSINT).

Open-source information has long been collected and analysed by intelligence organizations to complement information gathered on a clandestine basis for reasons of national security. This has risen to importance as a result of several factors: the growth of the Internet and geopolitical changes. Horizontal knowledge networks have developed and undermined existing approaches that privilege vertical integration, compartmentalization (stove-pipes) and classification. As an example, 80% of all US intelligence is derived from open sources. Robert Steele believes that “OSINT can serve as a foundation for reinventing and reorienting the clandestine and technical disciplines. OSINT is different from academic, business or journalistic research in that it represents the application of the proven process of national intelligence to a global diversity of sources, with the intent of producing tailored intelligence for the policy-maker or the military commander.

OSINT is changing the traditional conception of intelligence; it was suggested that by 2015 almost all small or medium sized states will be able to acquire intelligence from a diverse range of commercial satellites. This development will increasingly lead to the importance of the private sector in intelligence. The technological revolution in general and OSINT in particular are multiplying the competition in intelligence production. There are now more actors in intelligence. OSINT can sometimes provide key information more quickly and efficiently than classified capabilities because it relies more on expertise that already resides in a private or an academic sector. Open-source databases can also be researched quickly to check if information that already exists in the public domain, thus potentially eliminating the need to declassify unnecessary information. In this respect, open sources can provide important political, economic and military context for initial orientation to a specific crisis. Country studies, for example, can

provide indications of national intentions or cultural attitudes.

The human expert is often the most efficient and the most inexpensive means of creating new open source intelligence that is responsive to a specific requirement from the commander or his staff. Likewise, OSINT presents some difficulties. In some cases, open sources information contains inaccuracies, biased perspectives, irrelevant data or even disinformation. The information that came from open sources took longer to produce, required validation, and failed to cover many key aspects of the situation important to policy-makers.

In open societies, numerous open sources will be obtainable with data on political, military and economic affairs, in closed societies, however, much less information is available, and the print and broadcast media will be subject to state control. But that is not all; an important element of successful OSINT is to know where to look. It means for example that 80% of the information needed to create OSINT useful to the US DoD is not on line, not in English and not available in the USA.

The expansion of Internet as a absolute mine of open sources has exacerbated the problem of overload. Although much invaluable material is available on the Internet, there is also abundance of worthless data. Information overload both swamps the end-user with worthless and repetitive information as well as wasting valuable time and raising costs. However large an assessment staff a given agency may have, it must deal with more and more varied data than it can possibly handle. As the world and governments become more complex and interdependent, more data becomes relevant to decision-making. Simultaneously, the volume of information available increases at an even faster rate. Hence intelligence analysis is increasingly a process of selecting a tiny number of relevant facts out of the quasi infinite material available. Once this has been done the information must then be placed into context and the appropriate policy makers informed quickly enough so that relevancy is not lost.

The conclusion on OSINT is clear: an abundance of open sources is available today, but open sources will rarely provide the complete answer. In any event, open sources do provide a substantial share of the information used in intelligence analysis. With more and more information becoming available by electronic means, its use in intelligence analysis can only grow. Indeed, knowing what is publicly available enables producers and collectors of intelligence to better focus their efforts on that which is not. But in many countries an adequate computer infrastructure to tie intelligence analysts into open source information does not appear to exist.

REFERENCE

- 1 Jensen, C. J., McElreath, D., Graves, M. Introduction to intelligence studies. – Routledge, 2018.
- 2 Laqueur, Walter. World of Secrets: The Uses and Limits of Intelligence. -London, Weidenfeld and Nicholson Twentieth Century Book, 1987.
- 3 Matey G. UNISCI / University of Salford. Intelligence Studies At The Dawn Of The 21st Century: New Possibilities And Resources For A Recent Topic In International Relations (2005) [El.resource]. Access vode: <https://www.ucm.es/data/cont/media/www/pag-72533/Gustavo2.pdf>. Retrieved 26.5.2019.
- 4 Shulsky A. N., Schmitt G. J. Silent warfare: Understanding the world of intelligence. - Washington: Potomac Books, Inc., 2009.
- 5 Lowenthal M. M. Intelligence: From Secrets to Policy. - Washington DC: CQ Press, 2002.
- 6 Hulnick A. S. What's wrong with the Intelligence Cycle // Intelligence and National Security. - 2006. – N 21 (6). – P. 959-979.
- 7 Odom W. E. Intelligence Analysis // Intelligence and National Security. - 2008. - N 23 (3). – P. 316-332.
- 8 Jackson P. J., Siegel, J. Intelligence and statecraft: The use and limits of intelligence in international society. - Westport, Conn: Praeger, 2005.
- 9 Russel R. L. Achieving all-source fusion in the Intelligence Community // In: L. K. Johnson (Ed.), Handbook of Intelligence Studies.- Lonson: Routledge, 2007. - P. 189-199.
- 10 Vitkauskas D. The Role of A Security Intelligence Service // In: A Democracy. 1999 [El resource]. – Access mode: <https://www.nato.int/acad/fellow/97-99/vitkauskas.pdf>. Accessed 26.5.2019.
- 11 Gill P., Phythian M. Intelligence in an Insecure World. - Cambridge: Polity Press, 2006.
- 12 Warner M. The rise and fall of intelligence: An international security history. - Washington, DC: Georgetown University Press, 2014.
- 13 Kupcikas K. The Importance of Intelligence to International Security. 2013 [El. resource]. – Access mode: <https://www.e-ir.info/2013/11/08/importance-of-intelligence-to-international-security/>. Accessed 26.5.2019.
- 14 Gries D. A new look for intelligence // Intelligence and National Security. – 1995. - N 10:1. – P. 170-183.
- 15 Federation of American Scientists. Intelligence Budget Data [El. resource]. – Access mode: <https://fas.org/irp/budget/>. Retrieved 26.5.2019.
- 16 Born H., Leigh, I. Democratic Accountability of Intelligence Services // Policy paper. - 2007.- No. 19 [El. resource]. Access mode: https://warwick.ac.uk/fac/soc/pais/people/aldrich/vigilant/pp19_born_leigh1.pdf. Accessed 26.5.2019.
- 17 United Kingdom House of Lords Decisions. the Home Department. UKHL 71 (8 December 2005). Cite as: [2006] 1 All ER 575, 19 BHRC 441, [2006] UKHRR 225, [2006] HRLR 6, [2006] 2 AC 221, [2005] UKHL 71, [2005] 3 WLR 1249 [El.resource]. – Access mode: <http://ww.bailii.org/uk/cases/UKHL/2005/71.html> . Accessed 26.5.2019.
- 18 United Kingdom (note 28), section 2(4); United Kingdom, Intelligence Service Act 1994, 26 May 1994 [El.resource]. Access mode: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1994/13/contents>. Accessed 26.5.2019.
- 19 Caparini M. Media and the security sector oversight and account [El.resource].- file:///G:/paper%20Understanding%20the%20Special%20problems%20and%20methods%20of%20intelligence%20work/Media_and_the_security_sector_oversight_and_accoun.pdf. Accessed 26.5.19.
- 20 Ciulla J. B. Ethics and leadership effectiveness // In: J. Antonakis, A. T. Cianciolo, R. J. Sternberg (Eds.). The nature of leadership. - Thousand Oaks, CA, US: Sage Publications, Inc., 2004. – P. 302-327.

21 Harpham, Geoffrey Galt. Shadows of Ethics: Criticism and the Just Society. - Duke University Press, 1999. - 282 p.

22 Donlevy, Walker. Working Through Ethics in Education and Leadership. - Duke University Press Books; 2011.

23 Coyne J., Bell P., Merrington S. Exploring Ethics in Intelligence and the Role of Leadership // International Journal of Business and Commerce. – 2013. - Vol. 2, No.10. – P. 27-37 [El.resource]. – Access mode: <https://www.ijbcnet.com/2-10/IJBC-13-2905.pdf>. Accessed 26.5.2019.

24 Bellaby R. Ethics of intelligence: A new framework.- Routledt, 2016.

25 Gill P. Securing the Globe: Intelligence and the Post-9/11 Shift from ‘Liddism’ to ‘Drainism’ // Intelligence and National Security. - 2004. – No 19 (3). – P. 467-489.

ЕРЕКШЕ МӘСЕЛЕЛЕР МЕН ӘДІСТЕРДІ ТҮСІНУ БАРЛАУ ЖҰМЫСТАРЫ

Рагунаг Махабир¹,
Стивенсон Бинг²

¹доктор, оқытушы / Ұлттық қауіпсіздік бағдарламасының үйлестірушісі

Оңтүстік Кариб бассейні университеті
Порт-оф-Спейн, Тринидад

²қауіпсіздік мәселелері жөніндегі, бас қызметкер,
Оңтүстік Кариб бассейні университеті
Порт-оф-Спейн, Тринидад

Зияткерлік қызметтің барлық түрлеріне және ұлттық қауіпсіздік пен сыртқы саясатты қалыптастыруда барлау қауымдастығының рөлін күшейтетін ұлттық ресурстардың ауқымды бөлінуі бізге барлау жұмыстарының нақты мәселелері мен әдістерін түсінуді тереңдету қажеттілігін көрсетеді. Зиялы қауымдастықтың негізгі міндеттері - белгісіздікті азайту және ұлттың ұлттың қауіпсіздігіне, оның азаматтарының қауіпсіздігіне және бүкіл әлемдегі мүдделеріне қауіп төнетін жағдайлар туралы ескерту. Көптеген ірі мемлекеттерде ұлттық зияткерлік стратегияның мақсаттары: экстремизмге қарсы күрес, жаппай қырып-жоятын қаруды таратуға қарсы тұру, стратегиялық барлау мен ескертуді қамтамасыз ету, қарсылықты интеграциялау, киберқауіпсіздікті күшейту және ағымдағы операцияларды қолдау. Көптеген штаттар өздерінің ұлттық бюджетінің маңызды бөлігін ұлттық қауіпсіздікке және олардың арнайы қызметтеріне бөледі. Осы бюджеттердің көпшілігі құпия болып табылады, ал кейбір штаттар ұлттық қауіпсіздікке арнайы баға береді, бірақ нақты мөлшерде емес. Арнайы ақпараттар адамдардың, өнеркәсіптің, қарулы күштердің және үкіметтің күнделікті және ұзақ мерзімді шешімдеріне әсер ету үшін пайдаланылады [1]. Уолтер Лакур барлаушы қызметі білімге негіз болып табылады деп бекітеді [2]. Сондай-ақ олар әрдайым дағдарыстардың алдын-ала ескертіп, алдын-ала күтпеген жағдайлар, қауіп-қатерлер, шабуылдарды анықтауы керек. Интеллекті барлау, сондай-ақ ұйымдасқан жинау және пайдалану жүйесі болып табылады. Бұл қызметтің белсенділігі мен өнімі болып табылады [3].

Барлау қоғамдастығындағы бақылау, этика, медиа байланыстар, барлаулық ақпараттарды өзара алмастыру Fusion орталықтарындағы жауапкершілік пен барлау қоғамының алдында тұрған мәселелердің бірі ғана. Бұл талқылау осы мәселелердің кейбірін шешуге және оларды үкіметтер мен барлау қоғамдастығына қалай шешуін айқындауға бағытталған.

Тірек сөздер: барлау қызметі, барлау қауымдастығы, ұлттық қауіпсіздік, сыртқы саясат, барлау қауымдастығының этикасы.

ПОНИМАНИЕ ОСОБЕННЫХ ПРОБЛЕМ И МЕТОДОВ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ

Рагунаг Махабир¹,
Стивенсон Бинг²

¹доктор, преподаватель / координатор программы национальной безопасности
Университет Южного Карибского бассейна
Порт-оф-Спейн, Тринидад
²главный сотрудник по вопросам безопасности,
Университет Южного Карибского бассейна
Порт-оф-Спейн, Тринидад

Расход национальных ресурсов на все виды разведывательной деятельности и все более важная роль, которую играет разведывательное сообщество в формировании национальной безопасности и внешней политики, указывают на необходимость углубления нашего понимания особых проблем и методов разведывательной работы. Основными задачами разведывательного сообщества (РС) являются снижение неопределенности и предупреждение о потенциальных угрозах национальной безопасности государства-нации, безопасности его граждан и его интересов во всем мире. Сегодня цель национальной стратегии разведки многих крупных государств включает противодействие насильственному экстремизму, противодействие распространению оружия массового уничтожения, обеспечение разведывательной стратегии и предупреждения, интеграцию контрразведки, укрепление кибербезопасности и поддержку текущих действий. Многие государства выделяют значительную долю своего национального бюджета на национальную безопасность и свои разведывательные службы. Многие из этих бюджетов являются секретными, и некоторые государства дают оценку уровню национальной безопасности, но не указывают конкретную сумму, затраченную на разведку. Разведанные, полученные на основе информации, используются для влияния на ежедневное и долгосрочное принятие решений отдельными лицами, промышленностью, военными и правительствами [1]. Laqueur Walter утверждает, что разведывательные службы обеспечивают основу для знаний [2]. Они также должны всегда быть в состоянии предупреждать о надвигающихся кризисах и заранее выявлять возможные неожиданности, опасности, угрозы или нападения. Разведка - это одновременно и информация, и организованная система ее сбора и использования. Это и деятельность, и продукт этой деятельности [3]. (Подотчетность и надзор в разведывательном сообществе, этика, отношения со средствами массовой информации, обмен разведывательными данными и деятельность центров слияния-это лишь некоторые из проблем, с которыми сталкивается разведывательное сообщество. Эта дискуссия направлена на решение некоторых из этих проблем и на то, как они решаются правительствами и разведывательным сообществом.

Ключевые слова: разведывательная деятельность, разведывательное сообщество, национальная безопасность, внешняя политика, этика разведывательного сообщества.

Статья поступила 10.6.2019

IV БӨЛІМ. ЖАС ҒАЛЫМДАР ЗЕРТТЕУЛЕРІ
РАЗДЕЛ IV. ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ
PART IV. RESEARCH OF YOUNG SCIENTISTS

**HUMANIZATION AS THE DEVELOPMENT TREND OF
INTERNATIONAL RELATIONS**

Sarsenov M. B.¹

¹senior lecturer of KazAUIR&WL,
Almaty, Kazakhstan

This article discusses the theoretical problems of international relations in the context of globalization. The characteristic of the main factors of humanization of the current system of international relations is given. The paper presents an attempt of complex analysis of modern people's diplomacy as one of the main factors of humanization of international relations.

Keywords: humanization, system of international relations, world political process, world order.

УКД 373.5: 331. 54
МРНТИ 11.25

**ГУМАНИЗАЦИЯ КАК ТЕНДЕНЦИЯ РАЗВИТИЯ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ**

Сарсенов М.Б.¹

¹ст. преподаватель КазУМОиМЯ им. Абылай хана,
Алматы, Казахстан

В данной статье рассматриваются теоретические проблемы развития международных отношений в условиях глобализации. Дается характеристика основных факторов гуманизации нынешней системы международных отношений. В работе представлена попытка комплексного анализа современной народной дипломатии как одного из основных факторов гуманизации международных отношений.

Ключевые слова: гуманизация, система международных отношений, мировой политический процесс, миропорядок.

Международные отношения представляют собой специфический вид общественных отношений. С последними их связывает не только то, что они есть отношения между социальными общностями, но и то, что в них отчетливо выделяются экономический, социальный, политический и духовно-культурный аспекты. В этом смысле международные отношения являются продолжением и дальнейшим развитием внутри общественных отношений, которые уже сложились на национальной основе. В свою очередь, отличие международных отношений от отношений, складывающихся внутри отдельных

общественных структур, состоит в том, что в своей совокупности они образуют качественно новую систему с присущими преимущественно только ей свойствами и чертами; они имеют более широкое пространственное и социальное измерение, так как характеризуют взаимодействия, по меньшей мере, между двумя и более странами; основными деятельными субъектами в них выступают прежде всего сами народы, государства, общественные движения и организации со своими потребностями и интересами; их функционирование связано не с какой-то конкретной формой общественной (или государственной) власти, а с широким спектром международных норм и ценностей, созданных человечеством в ходе его длительного эволюционно-революционного развития.

Мы явились свидетелями крушения биполярной системы международных отношений, на смену которой пришла так называемая полицентричная однополярная система, которая все более приобретает черты многополярности. Фактически в 2000-х годах сложились как минимум три равновесных полюсов (или центров) современной системы международных отношений: США, Европейский Союз, Азиатско-Тихоокеанский регион, где доминирует Китай. На роль центров мировой политики претендуют некоторые другие интеграционные объединения и государства: АСЕАН, Бразилия, Россия, Индия, входящие в БРИКС. Причем сегодня Россия и Китай по многим вопросам мировой политики выступают со сходных позиций, поэтому эти сильные и самостоятельные, обладающие собственной политической позицией и четко отстаивающие ее страны никак не вписываются в предложенную американцами схему «Рах НАТО» с ее однополярностью (или, как еще иногда говорят, «пирамидальным» строением международной системы). Принципиальные изъяны этой однополярной («пирамидальной») модели современной мироразвития очевидны. И дело здесь в том, что многие другие мировые державы не согласятся с ролью слабых [1].

Что не менее важно, так это то, что в действительности по целому ряду важнейших параметров совокупной национальной мощи (включая ядерный потенциал, территорию, народонаселение и др.) эти страны сегодня явно недооцениваются стратегами однополярности. Не отрицая особого места и особых внешнеполитических и иных ресурсов, которыми в современном мире обладают США, мы не можем не заметить, что их явно недостаточно для единоличного проведения своей воли независимо от других держав либо входящих

в ограниченный круг великих (то есть обладающих крупными и сравнимыми между собой потенциалами и совокупными ресурсами, при этом в каждом отдельном случае значительно превосходящими ресурсы других отдельных стран), либо даже относящихся к числу влиятельных региональных центров силы. Как бы то ни было, но ни у одной из современных мировых держав, включая, как говорят сегодня, и единственную оставшуюся сверхдержаву США, сегодня объективно нет достаточных ресурсов для выполнения функций «мирового полицейского» в однополярном мире.

При этом, разумеется, происходящая сегодня глобализация отнюдь не является линейным процессом, она идет наряду с фрагментацией мира, рецидивами религиозного и этнического фундаментализма и др. Подлинная многополярность фактически еще не сложилась, она находится лишь в стадии формирования.

Возвращаясь к упомянутой выше и находящейся в стадии разработки концепции мира XXI века, следует подчеркнуть, что она основывается на признании необходимости создания адекватного по содержанию и кооперативного по своим функциям механизма управления процессами глобализации в современном мире [2]. Эффективность такого управления будет во многом зависеть от сочетания в нем национальных и международных усилий при особой роли ООН как единственного универсального механизма по обеспечению международного мира и безопасности. При этом следует исходить из имеющих стратегический характер долгосрочных целей, отражающих адекватное понимание не краткосрочных, а доминантных тенденций мирового политического развития в условиях происходящей в современном мире глобализации.

С учетом этого приоритетное значение для внешней политики ведущих держав должны приобретать стратегические цели демократизации и гуманизации современных международных отношений. Конечно, продвижение к этим целям, особенно в сложившейся в мире на сегодняшний день политической конъюнктуре, не может быть ни простым, ни быстрым. Но какими бы ни были препятствия, движение к указанным целям могло бы предполагать, как представляется, следующее:

- отказ от претензий на одностороннее доминирование, признание и продвижение к многополярности;
- создание эффективных международных и национальных механизмов и процедур обеспечения прав национальных меньшинств в рамках суверенных государств;

- активное задействование потенциала гражданского общества в решении международных проблем;
- обеспечение минимума принудительных мер, разрешенных международным правом;
- установление четких гуманитарных пределов международных санкций;
- обеспечение национальных и международных гарантий соблюдения прав и свобод человека и др.

Обеспечение подлинно многополярного мироустройства XXI века возможно лишь при опоре на волю большинства членов мирового сообщества, всех его реальных и потенциальных центров влияния. Международные отношения имеют явно выраженную тенденцию к глобализации, т.е. к расширению и взаимопроникновению, взаимодополнению и взаимообогащению. Сказанное объясняется прежде всего тем, что с радикальными изменениями, происходящими в Центральной и Восточной Европе, в СНГ (в том числе в Центральной Азии и Казахстане), все более рушатся барьеры, разделяющие международные отношения по идеологическому признаку; уходит в прошлое раскол мира на два враждебных политических лагеря с их замкнутыми политико-государственными системами, а с ним и конфронтация [3].

Гуманизация международных политических отношений означает, что политика и государство перестают быть самоцелью и самоценностью. Они становятся орудием и средством удовлетворения всевозрастающих потребностей людей, защиты их прав, свобод и интересов. Гуманизация международных политических отношений предполагает также повышение роли и значения в системе этих отношений негосударственных субъектов и участников, в том числе и особенно представителей народной, или гражданской, дипломатии (деятели науки, культуры и искусства, общественных, религиозных и иных организаций). В современной политологической литературе нет единого мнения по вопросу о том, кто является основным субъектом международных политических отношений. До сих пор весьма распространенным является взгляд, согласно которому таковым выступает государство или группа государств, поскольку государство выступает в качестве единственного общенационального института, имеющего полномочия осуществлять внешнюю политику, участвовать в отношениях с другими государствами и международными организациями, заключать договоры, объявлять войну и т. д. [4-5].

Этот, так называемый этатистский (государственный), подход к формированию и функционированию международных отношений, являющийся следствием действия юридической традиции в современной политической мысли, нашел свое отражение в создании различного рода межгосударственных объединений, союзов и организаций, призванных обеспечивать безопасность народов как в отдельных регионах, так и в мире в целом.

Второй путь теоретического обоснования международных политических отношений связан с созданием общеметодологических теорий, призванных сформулировать ключевые принципы и приемы научного анализа этих отношений. К числу таких теорий относятся: теория прагматизма и политического реализма Г. Моргентау, теория мира и войны Р. Арона, теория факторов К. Райта, теория международного эквиглибриума (равновесия) Дж. Лиски и теория мировых систем И. Галтунга. Важное место среди названных теорий занимает теория прагматизма и политического реализма Г. Моргентау.

Суть прагматизма и политического реализма, отмечает Г. Моргентау, «состоит не в выборе между моральными принципами и национальным интересом, лишенным морального достоинства, а между одним набором моральных принципов, оторванных от политической реальности, и другим набором принципов, выработанных в соответствии с реальностью». В этой связи и прагматизм, и политический реализм отвергают идентификацию устремлений отдельных наций с моральными законами всего мира. Истина не совпадает с общественным мнением. Все народы стремятся связать свои частные устремления с мировыми моральными целями, но это не значит, что все они правы. Интерес, понимаемый в категориях международной политической власти, создает шансы справедливого поведения в отношении всех народов, поскольку оберегает от моральной претенциозности и политического давления со стороны какой бы то ни было нации. Как пишет Г. Моргентау, «беспечное предположение, что носителем и выразителем морального блага является какая-то одна нация, а исповедующей зло — другая, несостоятельно не только морально, но и интеллектуально. Практически подобное предположение ведет к искажению оценок, к порождению безумия неистовых крестовых походов».

Особенностью третьего пути теоретического обоснования международных политических отношений является конструирование специальных концепций, посвященных анализу конкретных проблем функционирования этих отношений. Примером такого рода концепций

могут служить теории: международных систем, международных организаций, международных ролей, международного конфликта, национального интереса и т. д. К этим же концепциям может быть отнесена и концепция всеобщей безопасности, в основе которой лежат следующие положения.

Первое - концепция всеобщей безопасности представляет собой не новый комплекс идей и практических предложений, а скорее новую совокупность принципов подхода к проблемам безопасности в ядерном мире. Принципы и идеи, составляющие содержание данной концепции, выдвигались и обсуждались на протяжении последних десятилетий политическими деятелями, учеными, общественными силами разных стран.

Второе - важнейшими принципами, способствующими реализации идеи всеобщей безопасности, являются: признание невозможности выживания во всеобщей ядерной войне, а также невозможности победы в ней; в современном мире, перенасыщенном ядерным оружием, крупные державы не могут позволить себе прибегать к военным средствам разрешения политических или идеологических конфликтов; обеспечение паритета, соблюдение принципа равенства и одинаковой безопасности при высоком уровне противостояния не гарантирует безопасности, и единственным путем ее достижения может быть только немедленное кардинальное снижение уровня военного противостояния; наиболее надежным способом сдерживания и ограничения гонки вооружений может служить модель «разумной достаточности», которая ломает как модель «сообщающихся сосудов», так и модель «баланса с нулевой отметкой»; полная международная безопасность не может быть достигнута в одностороннем порядке, путем радикального сокращения вооружений одной или двумя странами — здесь необходимы параллельные и совместные действия многих стран.

И третье - названные принципы безусловно будут нуждаться в дальнейшем уточнении и развитии. Непростой будет и корреляция внешнеполитической практики, а также военной доктрины ведущих стран мира в соответствии с указанными принципами. Ни одна страна не может претендовать на монополию в деле создания действенной концепции всеобъемлющей и всеобщей безопасности.

Свой вклад в процесс гуманизации международных отношений и мировой политики вносит Республика Казахстан. Именно об этом говорит Президент Казахстана Н. Назарбаев в своей программной

статье «Руханижаңғыру», где поставил задачу духовного обновления и возрождения страны.

Гуманитарные аспекты внешней политики Республики Казахстан как раз и служат целям обновления. Внешняя политика Казахстана применяет принцип дифференцированного и разноуровневого подхода к взаимодействию с другими странами и организациями. Дифференцированный подход предполагает расширение дипломатического присутствия республики за рубежом и структурную оптимизацию его заграничных учреждений. Принцип проактивности РК выражается в реализации идей и инициатив, ориентированных на формирование новой повестки дня на международной арене, о чем и говорил Президент РК на саммите G-20, проходившем 4-5 сентября 2016 года в городе Ханчжоу Китайской Народной Республики. Такая позиция будет отвечать интересам Казахстана, и получила одобрение на самом высоком международном уровне со стороны ведущих держав мира, участвовавших в работе саммита.

Гуманизация международных отношений реализуется в рамках нескольких направлений: 1) усиление роли «этики убеждения», как говорил Макс Вебер, или, другими словами, индивидуальной этики, проявляющейся в возрастающем влиянии международного общественного мнения на мировую политику; 2) повышение эффективности международного гуманитарного права в области защиты прав человека и ограничении средств и форм вооруженных конфликтов; 3) рост влияния, которое способны оказывать на функционирование международных отношений частные группы и индивиды, руководствующиеся своими «человеческими», а не государственными интересами, т.е те, кто, собственно, и представляет собой народную дипломатию в действии

В заключение отметим, что в современных международных отношениях достаточно возможностей для углубления процесса гуманизации, не упустить их – вот важная задача. Конечно, в ближайшем будущем нам вряд ли удастся создать глобальное гуманистическое сообщество, но приблизиться к нему в наших силах. Проанализировав современную политику властей в странах СНГ, в том числе и в Казахстане, в контексте гуманизации международных отношений, можно утверждать, что она носит довольно противоречивый характер. С одной стороны, отсутствие прочной демократической традиции, последствия развала тоталитарного государства, наследие СССР в виде сложной экономической, межнациональной ситуации, слабость

гражданского общества объясняют многочисленные проблемы с правами человека в стране и непоследовательность российской внешней политики в этой сфере. С другой стороны, в целом для ситуации в сфере прав человека характерен прогресс по сравнению с советским периодом и сближение с международными и европейскими стандартами в этой сфере.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Барановский В.Г. Международные организации как механизм регулирования международных отношений. // Современные международные отношения / Под ред. А.В. Торкунова. М., 2000.
- 2 Цыганков П. А. Гуманизация международных отношений: противоречия и парадоксы. // Общественные науки и современность, 1998, №1, с. 51 – 59.
- 3 Шаймарданова З.Д. Основные направления зарубежных исследований о Казахстане // Известия КазУМОиМЯ им. Абылай хана. Серия «Международные отношения и регионоведение». – 2018. – № 3.
- 4 Зонова Т.В. Современная модель дипломатии: истоки становления и перспективы развития. - М.: РОССПЭН, 2003.
- 5 Лебедева О.В. Многосторонняя дипломатия в современных международных отношениях // Право и управление. XXI век. – 2015. - №1(34).

ГУМАНИЗАЦИЯ ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚАТЫНАСТАРДЫҢ ДАМУ ҮРДІСІ РЕТІНДЕ

Сәрсенов М. Б.¹

¹Абылай хан атындағы Қазақ ХҚжәнеӘТУ аға оқытушысы,
Алматы, Қазақстан

Бұл мақалада жаһандану жағдайындағы халықаралық қатынастардың дамуының теориялық мәселелері қарастырылады. Қазіргі халықаралық қатынастар жүйесін гуманизациялаудың негізгі факторларына сипаттама беріледі. Жұмыста халықаралық қатынастарды ізгілендірудің негізгі факторларының бірі ретінде қазіргі заманғы халық дипломатиясын кешенді талдау әрекеті ұсынылған.

Тірек сөздер: гуманизация, халықаралық қатынастар жүйесі, Әлемдік саяси процесс, әлемдік тәртіп.

Статья поступила 15.5.2019

**V БӨЛІМ. ЖАС ҒАЛЫМДАР ЗЕРТТЕУЛЕРІ
РАЗДЕЛ V. ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ
PART V. RESEARCH OF YOUNG SCIENTISTS**

ETHNOCONFESSIONAL RELATIONS: INTERNATIONAL EXPERIENCE

Bakhtiyaruly R.¹

¹Kazakh Ablai Khan UIR&WL, Faculty of Postgraduate Education
Almaty, Kazakhstan, ramazan777@gmail.com

The article considers the analysis of the role of these complex public entities in the formation of ethno-confessional relations. Consideration of the state policy in the ethnic and religious sphere of Malaysia for the application of positive experience in the Republic of Kazakhstan. Kazakhstan is a multiethnic and multi-confessional state that has successfully created its image of a peaceful and stable country whose ethnic and religious tolerance have become the calling card of it.

Keywords: ethno-confessional relations, ethno-confessional processes, ethnos, religion, confession.

УДК 323.15 (574)
МРНТИ 11.24

ОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

Бахтиярұлы Рамазан¹

¹КазУМОиМЯ им. Абылай хана, Факультет послевузовского образования
Алматы, Казахстан, ramazan777@gmail.com

В статье рассматривается анализ роли этих сложных общественных образований в формировании этноконфессиональных отношений. Рассмотрение государственной политики в этноконфессиональной сфере Малайзии для применения позитивного опыта в Республики Казахстан. Казахстан – полиэтничное и поликонфессиональное государство, успешно создавшее себе имидж мирной и стабильной страны, визитной карточкой которой стали этническая и религиозная толерантность.

Ключевые слова: этноконфессиональные отношения, этноконфессиональные процессы, этнос, религия, конфессия.

Проблемы этноконфессионального развития и упрочения национально-государственного единства занимают одно из центральных мест в общественной и политической жизни страны. История многонациональных государств Азии неоднократно доказывала актуальность этноконфессионального вопроса и необходимость его решения: разногласия между разноязычными, разноэтничными, разнорелигиозными общинами часто приводят к обострению внутри-политической обстановки, а в ряде случаев - даже к распаду государств.

Мировые и национальные религиозные конфессии к началу третьего тысячелетия усилили свое влияние на политику как отдельных государств, так и на мировой политический процесс в целом. В мире,

по данным, приведенным генерал-полковником В.А. Азаровым, насчитывается 1 миллиард 890 миллионов христиан (1 млрд. 132 млн. католиков, 558 млн. протестантов, 200 млн. православных); 1 млрд. 200 млн. мусульман; 359 млн. буддистов. Если учесть количественный состав китайцев, индусов и евреев, то получится огромное число приверженцев соответственно таких национальных религий (философских систем), как конфуцианство, даосизм (не менее 500 млн. человек), индуизм (859 млн.) и иудаизм (20 млн.) [1].

Основные конфликтообразующие причины происходящих процессов находятся в социально-политической и экономической сферах, национальный и религиозный факторы своеобразно транслируют нерешенность многих политических и социально-экономических проблем в сферу национального и религиозного сознания граждан. При этом, как закономерность, проявляется определенная диалектика исследуемых сфер, а именно: с одной стороны, состояние межнациональных и межконфессиональных отношений зависит от хода реформирования, эффективной деятельности политических и экономических структур, с другой стороны, - последние зависят от того, насколько учитывается национальная и религиозная специфика страны в целом, и регионов в частности, доминирующих в массовом сознании настроения, ценностные установки и стереотипы.

Одной из важнейших составляющих политического процесса, порой осложняющих общественно-политическую ситуацию в многонациональных и поликонфессиональных государствах являются этноконфессиональные отношения.

Вступая в непростое взаимодействие, межэтнические и межконфессиональные отношения предстают в своем единстве как этноконфессиональные отношения, которые являются еще более сложными, чем межэтнические и межконфессиональные отношения в отдельности. Дело в том, что воздействие религиозного фактора на фактор национальный своеобразно усиливает действие последнего, и наоборот. Именно в единстве своем рассматриваемый феномен - этноконфессиональные отношения - выступает как неотъемлемый компонент этнополитической культуры. И от уровня этой культуры зависит конкретная роль национального и религиозного факторов в общественной жизни.

Структурными элементами политики являются политические отношения, политическое сознание, политическая организация. Между составными частями религии и политики можно провести определенную аналогию. В обоих случаях речь идет об отношениях, сознании и организации. Но не только структурные элементы религии и политики схожи. Похожими являются и некоторые функции этих общественных феноменов. Две важнейшие функции, присущие политике, регулятивная и интегративная – присущи также и религии.

Политика призвана обеспечивать целостность общественной системы, стабильность и общественный порядок, регулировать отношения между людьми и общественными группами, сглаживать возникающие противоречия. Подобные функции выполняет и религия.

Политика реализует названные функции нередко в интересах определенных слоев населения или всего общества в целом. То же самое делает религия. Отмечая большую роль религии в политической истории различных народов и в социально-политической жизни современного общества, некоторые ученые среди ее важных функций выделяют и политическую функцию [2, с.7].

Развитие этноконфессиональных процессов в современных условиях существенно зависит от характера и направленности происходящих перемен в духовной культуре и сознании народа. Важную роль здесь играет менталитетная специфика этноконфессиональной идентификации.

Этноконфессиональная культура как система общепринятых ценностей и символов веры, как согласованная структура смыслов и образцов поведения, содержит определенные представления о себе в целом, о своем месте в мировой культуре. В многонациональном обществе с общей господствующей конфессией могут формироваться и несовместимые стереотипы социального воспроизводства межэтнической интеграции и дифференциации, которые складываются независимо от конфессионального единства. Эти стереотипы могут быть как созидательными, так и разрушительными для ментально-символического содержания конфессионального сообщества.

Говоря о связи религии с этносом, необходимо отметить, что религия играет в одно и то же время этноразделительную и этноинтегрирующую роль, выступая в отдельных случаях в качестве силы, консолидирующей этнические общности. В подобных ситуациях религия, благодаря тесной связи с подвижными элементами психологии масс, укрепляла сцепляющие связи внутри этноса и тем самым противодействовала ассимиляции его с завоевателями. Самым ярким примером может служить история еврейского народа, который благодаря иудаизму не растворился, находясь в диаспоре около двух тысячелетий [3, с. 23–45].

Вопросы этноконфессиональных отношений выдвинулись в последние годы на передний край теории и практики общественных преобразований. Становится очевидным, что будущее Республики Казахстан, всех населяющих ее народов во многом зависит от их способности, а также от способности властных республиканских и региональных структур обеспечить необходимый уровень единства и взаимопонимания представителей многих этносов и религий в современном обществе.

Межрелигиозное и межэтническое согласие является важнейшим элементом стабильности любого общества. Для сохранения и укрепления межнационального согласия в Казахстане, 1 марта 1995 года на общественно-политической арене республики появился новый институт в области национальной политики – Ассамблея народов Казахстана, а 20 октября 2008 года принят Закон РК «Об Ассамблее народа Казахстана». Все важные решения в стране теперь принимаются при согласовании с Ассамблеей народа Казахстана.

Одной из важнейших задач, в послание президента Республики Казахстан – Лидера Нации Н.А. Назарбаева народу Казахстана, Стратегия «Казахстан-2050» было равенство прав граждан всех этносов. Все мы являемся казахстанцами, имеющими равные права и равные возможности. Новый казахстанский патриотизм – это то, что должно объединять все общество, вне этнических различий. Мы – многонациональное общество. И в вопросе межнациональных отношений не должно быть никаких двойных стандартов. Все должны быть равны в государстве. Не должно быть хороших или плохих по этническим или другим признакам. Для меня этот вопрос – не декларативный. Если кого-то ущемили по этническому признаку, то надо считать что ущемили всех казахстанцев. Не будет и не должно быть никаких преференций никаким этносам, права и обязанности у всех одинаковы [4].

Межрелигиозное согласие в Казахстане невозможно вне согласия межэтнического, так как за религиями стоят этнические сообщества, исповедующие те или иные религии. Особенности этнической и религиозной сфер общества принадлежит к числу актуальных теоретических и практических проблем нашего времени, и поэтому всегда находятся в центре внимания ученых, политических и общественных деятелей Казахстана.

Все многонациональные и многоконфессиональные государства подвержены этноконфессиональным конфликтам. Сами по себе этнический и религиозный факторы не являются конфликтогенными. Причины конфликтов - социальные, духовные, правовые, государственные, демографические и иные. Этнические и религиозные факторы могут или нейтрализовать конфликты или служить катализатором, усугубляющим конфликты, причины которых находятся вне них.

Значительное число этнополитических и межконфессиональных конфликтов, чреватых глобальными последствиями, происходят в настоящее время во всем мире, однако в данной статье мы остановимся на рассмотрении позитивного опыта этноконфессиональных отношений в Малайзии.

За недолгую историю независимого существования Малайзия добилась серьезных успехов в своем развитии, демонстрируя быстрые

темпы экономического роста и достаточно высокий уровень жизни населения.

Современная Малайзия исторически сложилась как полиэтничное, поликультурное и поликонфессиональное государство, где межэтнические отношения определяют особенности политической системы и всего внутривнутриполитического развития: любое явление в экономической, политической, культурной жизни малайзийского общества либо испытывает на себе влияние национальной проблемы, либо само призвано воздействовать на отношения между основными национальными группами.

Как и для многих полиэтничных стран, для Малайзии остается актуальной проблема этноконфессиональных противоречий, хотя они не протекают столь остро как у соседей – Индонезии и Филиппин. Напротив, на протяжении 40 лет в стране не наблюдается жесточайших столкновений на этнической почве. Малайзия демонстрирует внешнему миру опыт межэтнического взаимодействия, при котором делается ставка на бесконфликтное существование и компромиссы. Однако внутри малайзийского общества слишком сильны противоположные тенденции, что откладывает отпечаток на этноконфессиональную ситуацию в целом.

Регулирование отношений между тремя основными этническими общинами (малайской, китайской и индийской) остается главной задачей национальной политики малайзийских правящих кругов. Обострение или нормализация этих отношений оказывают воздействие на ход развития государства в целом, на крупные политические события внутри страны (выборы, создание больших политических объединений, изменения в правительстве, появление новых партий и общественных организаций) и на ее внешнюю политику.

Несмотря на то, что большинство населения страны составляют мусульмане, Малайзия не является классическим исламским государством, для нее характерна формула «полиэтническое общество с доминированием малайцев», в котором всем гарантируется свобода вероисповедания [5, с. 29]. Эта формула, стала результатом постколониального развития страны, получившей независимость в 1957 году, как Малайя. Гегемония малайцев получила концептуально-политическое выражение, став результатом компромисса между основными этнополитическими силами Малайзии: ОМНО – Объединенной Малайской Национальной Организации, МКА – Малайзийской китайской Ассоциации и ИКМ – Индийского Конгресса Малайзии. Немалайскому населению (китайцам и индийцам) было предоставлено признание их «законных интересов (экономических прав), права на гражданство ... и место жительства, так же как и их ... свобода сохранять, практиковать и распространять свою религию, культуру и язык» [6]. В свою очередь, малайцы «сохранили

свои главные национальные символы: султанов, особое положение (статья 153 Конституции), язык (как официальный язык – статья 152 Конституции), и религию» [6].

На протяжении периода существования независимой Малайзии концепции национальной политики менялись несколько раз. В большинстве случаев каждая из концепций была связана с именем того или иного премьер-министра и определялась задачами соответствующего этапа государственного развития.

Наибольшая заслуга в деле национально-государственного строительства принадлежит четвертому премьер-министру Малайзии Махатхиру бин Мохамеду. В период его правления (1981 - 2003 гг.) Малайзия превратилась в экономически сильное государство, отличающееся от своих соседей по Юго-Восточной Азии относительной внутривнутриполитической стабильностью и отсутствием этноконфессиональных потрясений и столкновений на этой почве.

Концепция национальной политики, предложенная в 1991 году премьер-министром Махатхиром Мохамедом, с одной стороны, является логическим продолжением линии предшественников, с другой - представляет качественно новый подход к решению национальной проблемы.

Проходящее в современной Малайзии реформирование межэтнических отношений в рамках концепции национальной политики Махатхира Мохамеда («Концепции - 2020») имеет огромное политическое значение, поскольку от степени глубины или незавершенности этих реформ зависит дальнейшая судьба всего малайзийского общества.

Правительство Мохатхира стремилось урегулировать межэтнические и межрелигиозные процессы, однако ему не удалось преодолеть рост исламского фундаменталистского движения. Мусульманский фундаментализм к тому времени приобрел глобальный характер, а его «малайский филиал» был косвенно связан с «Аль-Каидой».

Для противостояния роста исламского фундаментализма в Малайзии правительство пятого премьер-министра Абдуллы Ахмад Бадави с 2003 года начало реализацию программ исламизации, которые должны были предотвратить негативные последствия исламского фундаментализма и в других мусульманских странах. Одним из наиболее примечательных шагов этих мероприятий стало введение концепции Цивилизованного Ислама (Ислам Хадхари). Эта концепция содержит десять принципов, которые призывали к физическому и духовному развитию на пути к экономическому, социальному и политическому прогрессу: 1. Вера и благочестие в Аллахе. 2. Правдивое и заслуживающее доверия правительство. 3. Свободные и независимые люди. 4. Мастерство знания. 5. Уравновешенное и

всестороннее развитие. 6. Хорошее качество жизни. 7. Защита прав меньшинства и женщин. 8. Культурная и моральная целостность. 9. Защита окружающей среды. 10. Сильная обороноспособность.

Бадави подчеркивал, что цивилизованный ислам не является новой религией [7], но его целью является интеграция мусульман в современную экономику при сохранении их национально-культурной специфики. Концепция «распространяет терпимость и понимание, мир и спокойствие, и, разумеется, просвещение» [8]. По замыслу Бадави, цивилизованный ислам должен был предотвратить распространение исламского фундаментализма.

Принципиальная позиция умеренных мусульман состоит в том, что правовые нормы шариата должны применяться на практике выборочно и на сугубо добровольной основе, без вторжения в личную жизнь. Религиозность не сочетается автоматически со слишком жесткой приверженностью канонам шариата. Для умеренных мусульман нет будущего в том обществе, которое является идеалом фанатичных исламских ортодоксов [9, с. 37].

Политика Бадави дала неплохие результаты. Экономика оправилась от последствий азиатского экономического кризиса, коррупция находилась на небывало низком уровне [10]. Международный Исламский Университет Малайзии превращался в один из главных исламских вузов в мире, привлекал множество студентов из мусульманских стран.

Но в то же время существует опасность того, что концепция цивилизованного ислама создает дополнительную напряженность в отношениях между малайским и немалайским населением страны, поскольку немалайские сообщества опасаются того, что программы исламизации посягают на их собственные права. Бадави пришлось официально заявить, что цивилизованный ислам – это концепция, предназначенная для мусульман и не посягающая на свободу совести, а, тем более, не противоречащая Конституции Малайзии. К тому же, принципы цивилизованного ислама, по заявлению Бадави, носят универсальный характер и могут быть применимы в любом обществе, невзирая на религиозную или этническую принадлежность. Цель концепции цивилизованного ислама – общественный прогресс, затрагивает интересы всего населения Малайзии [7].

Возможно, что отсутствие уже на протяжении 40 лет ярко выраженного проявления этнической нетерпимости, а тем более открытых насильственных действий – это показатель зрелости малазийского общества. Майкл Хейм, христианский теолог, отмечает: «Позитивное отношение малазийцев к религиозной и этнической гармонии, коренится в двух факторах. Первый – малазийцы понимают, что мир, которым они наслаждаются, хрупок. Второй фактор – малазийское экономическое чудо. Будучи одним из азиатских «тигров»

наряду с Сингапуром, Гонконгом, Южной Кореей и Тайванем, Малайзия понимала, что экономическое развитие снижает этническую напряженность. И все население страны понимает, что этнический конфликт мог полностью изменить существующую действительность, отпугнуть иностранные инвестиции, туристов и многонациональные корпорации, которые с таким трудом привлекались» [11-12].

Учитывая то, что религия в жизни народов играла важную духовно-интегрирующую роль в процессе обретения национального самосознания, национальное оказывает значительное воздействие на деятельность религиозных организаций [13].

Таким образом, в условиях происходящих в современном мире постоянных политических и экономических изменений, необходимо сохранить и творчески развивать исторически сложившиеся традиции межнационального и межконфессионального мирного сосуществования и взаимодействия народов Казахстана.

Законы Казахстана призывают верующих всех конфессий и национальностей доброжелательному отношению друг к другу. Особую роль здесь играет воспитательная работа, начиная со школ и заканчивая религиозными организациями, это позволит смягчать или же решать целиком этноконфессиональные противоречия на самых ранних этапах и не доводить их до конфронтации сторон.

Наше государство не вмешивается в идеологию и культовую практику религиозных организаций, не предписывает им формы и направления социальной деятельности. Однако оно разрабатывает и предлагает им программу гармонизации этноконфессиональных отношений, оставляя за ними право, принять или не принять, внести в нее свои коррективы или предложить альтернативный вариант.

Таким образом, несмотря на различие географических, социокультурных, политических и экономических параметров развития Казахстана и Малайзии, в сфере этноконфессиональных отношений имеется общее. Оба государства оказывают активное влияние на поднятие социально-экономического уровня населения. В Казахстане, как и в Малайзии, проводятся мероприятия по укреплению единства и равенства всех этносов и религий.

Анализ опыта этноконфессиональных отношений в Малайзии приводит к выводу об особой важности выбора правильного курса этноконфессиональных отношений в политике на пути к демократизации и межэтнической интеграции. В условиях актуализации этноконфессиональной проблематики во всем мире важность правильного построения и приведения в жизнь этноконфессиональной политики выходит на первый план во всем мире и в нашей стране в частности.

ЛИТЕРАТУРА

1 Кабаков, В. Противостояние цивилизаций // Религии и цивилизации. – Лондон, 2015.

- 2 Васильев Л.С. История религий Востока. – М., 1998. – С. 7.
- 3 Бат-Йеор. Зимми. Евреи и христиане под властью ислама. В 2 т. Т. 1. – М. : Иерусалим, 1991. – С. 23–45.
- 4 Послание Президента Республики Казахстан – Лидера Нации Н.А. Назарбаева народу Казахстана. Стратегия «Казахстан-2050». – Астана, 2012.
- 5 Hefner R. W. Introduction: Multiculturalism and Citizenship in Malaysia, Singapore, and Indonesia //The Politics of Multiculturalism, University of Hawaii Press, Honolulu, 2001. 492 p.
- 6 Zawawi, Ibrahim. Globalization and National Identity: Managing Ethnicity and Cultural Pluralism in Malaysia// Asia Pacific Center for Security Studies (APCSS)// [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: [http://www.apcss.org/Publications/Edited%20Volumes/Growth Governance_files/Pub_Growth%20 Governance/Pub_Growth_Governancech9.Pdf](http://www.apcss.org/Publications/Edited%20Volumes/Growth%20Governance_files/Pub_Growth%20Governance/Pub_Growth_Governancech9.Pdf) – (дата обращения – 17. 05. 2009 г.).
- 7 Pak Lah. Islam Hadhari not a new religion or order // The Star Online, July 25 2006 [Электронный ресурс]. - URL: <http://thestar.com.my/news/story.asp?file=/2006/7/25/nation/14927885&sec=nation> (дата обращения 22. 04. 2009 г.).
- 8 Badawi Abdullah A. Islam Hadhari and Good Governance. Speech given at Victoria University, Wellington, New Zealand. 31 March 2005// [Электронныйресурс]. URL: <http://www.pmo.gov.my/WebNotesApp/PMMain.nsf/0/d33361f0890dd06548256fe700190019?OpenDocument> (дата обращения 16. 05. 2009 г.).
- 9 Гусев М. Ислам в Юго-Восточной Азии: новые аспекты проблемы//Азия и Африка сегодня. - 2003. - N11.- С. 35-41.
- 10 Parkaran K. PM: Muslim Nations Must Check Corruption //The Star Online, May 14 2006 [Электронный ресурс]. - URL: <http://thestar.com.my/news/story.asp?file=/2006/5/14/nation/14239323&sec=nation> - (дата обращения – 16. 05. 2009 г.).
- 11 Heim S. Mark. A Different Kind of Islamic State // The Christian Century. – 2016.- № 2.
- 12 Рахманова Г.Б. ООН и региональные конфликты: достоинства и просчеты // Известия КазУМОиМЯ им. Абылай хана. Серия «Международные отношения и регионоведение». – 2018. – № 1. 1
- 13 Примаков Е.М. Ближний Восток на сцене и за кулисами. - М., 2012. - С. 302.

ЭТОКОНФЕССИЯЛЫҚ БАЙЛАНЫСТАР: ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ТӘЖІРИБЕ

Бахтиярұлы Р.¹

¹ 2 курс магистранты

Абылай хан атындағы ҚазХҚ және ӘТУ, Алматы, Қазақстан
ramazan777@gmail.com

Қазақстан көпұлтты және көпконфессиялы мемлекет болып табылады, ол этникалық және діни толеранттылық оның карточкалық карточкасы болған бейбіт және тұрақты елдің имиджін сәтті қалыптастырды.

Мақала этно-конфессиялық қатынастарды қалыптастыруда осы күрделі қоғамдық ұйымдардың рөлін талдауды қарастырады. Қазақстан Республикасында оң тәжірибені қолдану үшін Малайзияның этникалық және діни саладағы мемлекеттік саясатты қарастыру.

Тірек сөздер: этно-конфессиялық қатынастар, этно-конфессиялық процестер, этнос, дін, конфессия.

Статья поступила 17.4.2019

THE EFFECT OF RELIGIOUS EXTREMISM ON THE CONSCIOUSNESS OF MODERN KAZAKHSTAN SOCIETY

Kireev A.V.¹

¹Undergraduate of the 2nd year, Kazakh Ablai Khan UIR&WL
Kazakhstan, Almaty, andfess@bk.ru

This article deals with the problem of the influence of religious extremism on the consciousness of modern Kazakhstani society. We will analyze the impact on people in the conditions of modern society through the interpretation of the dogmas of Islam by representatives of religious extremist organizations. The relevance of the topic is that the problem of the influence of religious extremism is very acute in the countries of Central Asia, and the purpose of state policy in the sphere of religion is to prevent and prevent the dissemination of these ideas in Kazakhstan.

Keywords: religious extremism, the cause of occurrence, public consciousness, mind manipulation, propaganda, prevention.

УДК 351.862
МРНТИ 21.41

ВЛИЯНИЕ РЕЛИГИОЗНОГО ЭКСТРЕМИЗМА НА СОЗНАНИЕ СОВРЕМЕННОГО КАЗАХСТАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Киреев А.В.¹

¹магистрант 2 курса, КазУМОиМЯ им.Абылай хана
Казakhstan, Алматы, andfess@bk.ru

В данной статье рассматривается проблема влияния религиозного экстремизма на сознание современного казахстанского общества. Мы проведем анализ воздействия на людей в условиях современного общества через трактовку догм ислама представителями религиозно-экстремистских организаций. Актуальность темы состоит в том, что проблема влияния религиозного экстремизма является весьма острой в странах Центральной Азии, и целью государственной политики в сфере религии является профилактика и недопущение распространения данных идей в Казахстане.

Ключевые слова: религиозный экстремизм, причина возникновения, общественное сознание, манипуляция сознанием, пропаганда, профилактика.

Рассматривая и анализируя этапы развития мировой цивилизации, мы, несомненно, отмечаем, что практически повсеместно и в любую эпоху имели место проявления экстремизма, как акта агрессии, при этом такого рода проявления встречались как между различными религиозными течениями, так и внутри их. В первом случае это выглядело ответное негативное поведение у адептов, исповедующих другие культы, на «миссионерско-просветительскую деятельность» какой-либо религии, для второго характерны столкновение традиций и инноваций, происходящие внутри религиозных течений. Крайними вариантами разрешения данных противоречий являются подавление или образование внутри традиционных религий новых направлений и течений (христианство - анабаптизм, ислам - ваххабизм, православие - старообрядство) [1, с.145]. Необходимо отметить, что, если подробно проследить развитие различных религий, можно наблюдать множество

фактов проявления экстремистских движений, противоречащих основным заповедям и постулатам традиционных конфессий.

Однако, возвращаясь к проблематике современного казахстанского общества, следует вспомнить о том, что смена идеологии и развал СССР в целом, повлекли за собой огромные изменения в мире, в том числе и в Казахстане. Так, трансформировались представления о разнообразных явлениях и событиях действительности. События на мировой арене наглядно демонстрируют, что именно на современном этапе наибольшую угрозу представляет не просто экстремизм, а религиозный экстремизм, отличающийся тем, что направлен на насильственное изменение государственного строя и захват власти, нарушение суверенитета и территориальной целостности государства, для чего использует религиозное учение и символы как важный фактор привлечения людей, манипулируя из сознанием.

Как гласит латинско-русский словарь под ред. О. Петрученко: «В основе экстремизма лежат идеологические, часто религиозные, убеждения и прикрываемые ими политические цели и установки. Сам термин происходит от латинского *extremus* (превосходная степень от *exter* - «внешний», «наружный»), одним из значений которого было «крайний» в смысле «самый худший», «самый плохой», «опаснейший», «злейший» [2]. Таким образом, экстремизм представляет собой радикальную форму отрицания отдельными лицами или группами существующих общественных норм и правил. Как считают религиоведы А.К. Кульбаев и М.П. Мирхамитов, причины этого явления - в социальной дезориентации части граждан, их недостаточном образовании, кризисном состоянии общества, в слабости институтов общественного контроля, в низкой эффективности правовой системы [3]. Опасность экстремизма особенно велика потому, что до определенного момента, подчас в течение длительного времени, он плохо поддается мониторингу, фиксации и локализации, при этом он легко может трансформироваться в новый источник терроризма международного масштаба.

Однако, следует помнить о том, что религиозный экстремизм, как и любое другое явление неслучайно и имеет свои объективные причины появления и закономерности. Российский исследователь Мархат Яхьяева считает, что «необходимо бороться не с самим реальным явлением, которое уже есть и наступило, а нужно искоренять даже предпосылки его возникновения. Именно этот подход к борьбе с религиозным экстремизмом имеет большое значение, поскольку понимание причин появления экстремизма обязательно должно предшествовать применению тех или иных методов борьбы как непосредственно с данными причинами, так с самим экстремизмом». Так, определяя причины возникновения религиозного экстремизма, М. Яхьяева отмечает, что причина возникновения рассматриваемого

явления по своей сути является и проблемой поставленного вопроса.

«Для начала давайте учтем тот факт, что нет только одного единого изолированного фактора, на котором будет «базироваться» абсолютно любое явление. Религиозный экстремизм — не исключение. Причины возникновения религиозного экстремизма могут быть абсолютно разными: религиозными, политическими, социальными и др. Поскольку человек — существо социальное, изначально корень всей проблемы может находиться в самом человеке, в его взаимоотношениях с членами семьи, родственниками, друзьями либо может быть обнаружен при более глубоком анализе в противоречиях между внутренним миром самого экстремиста и окружающим обществом, между верой и поведением, идеалами и реальностью, религией и политикой... Вполне логично, что такое внешнее и внутреннее «противостояние» рано или поздно заставит человека решить проблемы, прибегая к различным методам, в том числе и религиозному экстремизму».

К причинам возникновения религиозного экстремизма М. Яхьяева относит: отсутствие у молодежи полноценного знания о целях и сути самой религии, ее первоисточников. При этом, отмечает она, «не важно, что это за религия, — православие, католицизм, ислам, буддизм и т. д. Говорят, что лучше не знать ничего, чем знать это частично. Данное выражение можно полностью отнести и к нашему случаю [4]. Поскольку полное отсутствие религиозного знания и практики приводит к одной форме экстремизма - эгоизму и аморальности, половинчатое, отрывочное знание приводит к противоположному результату - агрессивному радикализму. При этом отсутствие правильного понимания целей и внутренней системы религии приводит к слепой убежденности в своей правоте, а она, в свою очередь, в союзе с гордыней и тщеславием создает опасную смесь и приводит к бездумному буквализму. Насколько нам известно, основной целью пяти столпов ритуалов ислама являются воспитание в человеке чувства богоприсутствия и построение на его основе твердого морально-нравственно-идеологического стержня гражданской ответственности, т. е. создание целостной здоровой личности, обеспечение полноценного интеллектуального развития индивидуума и построение конкурентоспособного общества».

Также М. Яхьяева пишет о том, что радикальное религиозное сознание отвергает саму возможность рациональной расшифровки принципов ислама, что и приводит к интеллектуальному застою и пассивному традиционализму в среде молодежи. Этот фактор, в свою очередь, создает благоприятные условия для идеологических манипуляций со стороны различных внешних сил (сепаратистских политических течений, радикальных террористических группировок). Таким образом, можно с уверенностью говорить о том, что главной причиной религиозного экстремизма являются интеллектуальная

слепота и невежество, которые становятся катализаторами таких явлений, как агрессивность по отношению к инакомыслию и терроризм. Поэтому противодействовать феномену экстремизма необходимо прежде всего на интеллектуальном уровне [5].

«Фанатизм должен быть дискредитирован на академическом уровне, усилиями ученых гуманитарной и религиозной сфер науки не только при преподавании религии обычным студентам, но и путем долгого и упорного разъяснения этого тем студентам, которые впоследствии будут служить на благо религии», - об этом также пишет М. Яхьяева.

Кроме того, исследователь отмечает такой важный фактор, как семейное воспитание. «Все мы знаем, и давно доказано, что человек как личность, индивидуальность формируется с детства. Наибольшее влияние на него оказывают родители. В нашей стране множество неполных или неблагополучных семей. Зачастую в таких семьях отношения между родителями складываются на основе ненависти друг к другу либо к ребенку. Возникают вопросы «Что тогда может взять ребенок от родителей, если изо дня в день он видит одно и то же, а именно: неприязнь, ненависть, насилие и т. д.?»; «На ком детям срывать такую же ненависть (как и у родителей), если не на тех, кто отличается от них, либо на государстве, которое их не может защитить?» В очень редких случаях дети, когда вырастают, не бывают похожими на своих родителей».

Следующий важный фактор – качество образования, т. е. проблема воспитания подрастающего поколения в школе. «На уровне подсознания ребенок очень часто воспринимает учителя за некий идеал, на который надо ровняться... Давайте сравним абитуриентов педагогических вузов настоящего времени и, например, конца 1980х — начала 1990х гг. Давайте проанализируем насколько поменялись уровень воспитания, общество, государство, вспомним, как проводили свое свободное время раньше... Раньше в педагогические вузы шли отличники, медалисты, активисты, спортсмены и просто хорошие ребята, т. е. люди, с которых можно и нужно было брать пример (в большинстве случаев). В наше время мы видим совершенно противоположную ситуацию. В педагогические вузы идут только из-за того, что туда берут всех, туда легко попасть, настолько легко, что в любой сельский техникум поступить порой бывает сложнее. И с кого будущему поколению, т. е. нашим детям, брать тогда пример? С учителей, которые во времена своей молодости не стеснялись применять психическое (а порой и физическое) насилие над своими ровесниками? Да и реформа образования создает нам все больше и больше предпосылок для дальнейшей деградации поколений» - пишет М. Яхьяева, и с ней сложно не согласиться.

Таким образом, проанализировав состояние данного вопроса, мы

выделили несколько факторов, представляющих важность для решения этой проблемы в РК, в частности, профилактики и недопущения распространения идей религиозного экстремизма:

1. Необходимо учитывать тот факт, что все люди подвержены (в большей или меньшей степени) манипуляторному воздействию, что используют религиозные лидеры тоталитарных экстремистских сект.

2. Следовательно, необходимо создавать больше диалоговых площадок для граждан РК, особенно для молодежи, поскольку это создаст возможность получать информацию в нескольких альтернативных источниках, а также критически обдумывать ее.

3. Привлечь к более активному сотрудничеству как авторитетных религиозных деятелей признанных в Казахстане конфессий, так и представителей СМИ, и особенно – соответствующие государственные органы и ведомства.

Кроме того, хотелось бы отметить, что самым эффективным способом информационной борьбы с религиозным экстремизмом является развенчание идеологии разрушения, присущей тоталитарным сектам, для чего необходимо проведение на постоянной основе семинаров, «круглых столов» и других разъясняющих мероприятий открытого формата для всех представителей казахстанского общества.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Бидова Б.Б. Проблема противодействия политическому экстремизму на северном Кавказе: анализ и пути решения // Международное научное издание Современные фундаментальные и прикладные исследования. - 2014. - № 6. - С. 145-146.
- 2 Петрученко О. Лагинско-русский словарь. 11-е изд. - СПб.: Лань, 2003. - С. 212-213.
- 3 Кульбаев А.К., Мирхамитов М.П. Экстремизм Религия в Казахстане.- А., 2015.
- 4 Яхьяева М. У. Религиозный экстремизм: истоки и тенденции возникновения // Молодой ученый. - 2015. - №20. - С. 401-403.
- 5 Zholananova A.Zh. Problems of forming single identity in Europe// Известия КазУМОиМЯ им. Абылай хана. Серия «Международные отношения и регионоведение». – 2019. - № 1. – С.139-145.

ҚАСИЕТТІ ҚАЗАҚСТАНДЫҚ ҚОҒАМНЫҢ ДАҒДАРЫСҚА ҚҰҚЫҚТЫҚТАРЫ

Киреев А.В.¹

¹Абылай хан атындағы Қазақ университеті 2 курс магистранты
Қазақстан, Алматы қ., andfess@bk.ru

Осы мақалада діни экстремизмнің қазіргі қазақстандық қоғамның сана-сезіміне әсері мәселесі қарастырылады. Діни экстремистік ұйымдардың өкілдері ислам дінін түсіндіру арқылы қазіргі заманғы қоғамның жағдайында адамдарға әсерін талдаймыз. Тақырыптың өзектілігі Орталық Азия елдерінде діни экстремизмнің әсері өте маңызды болып табылады және дін саласындағы мемлекеттік саясаттың мақсаты - бұл идеяларды Қазақстанда таратудың алдын алу және болдырмау.

Тірек сөздер: діни экстремизм, пайда болу себебі, қоғамдық сана, ақыл-ойды манипуляция, насихаттау, алдын-алу.

Статья поступила 25.4.2019